

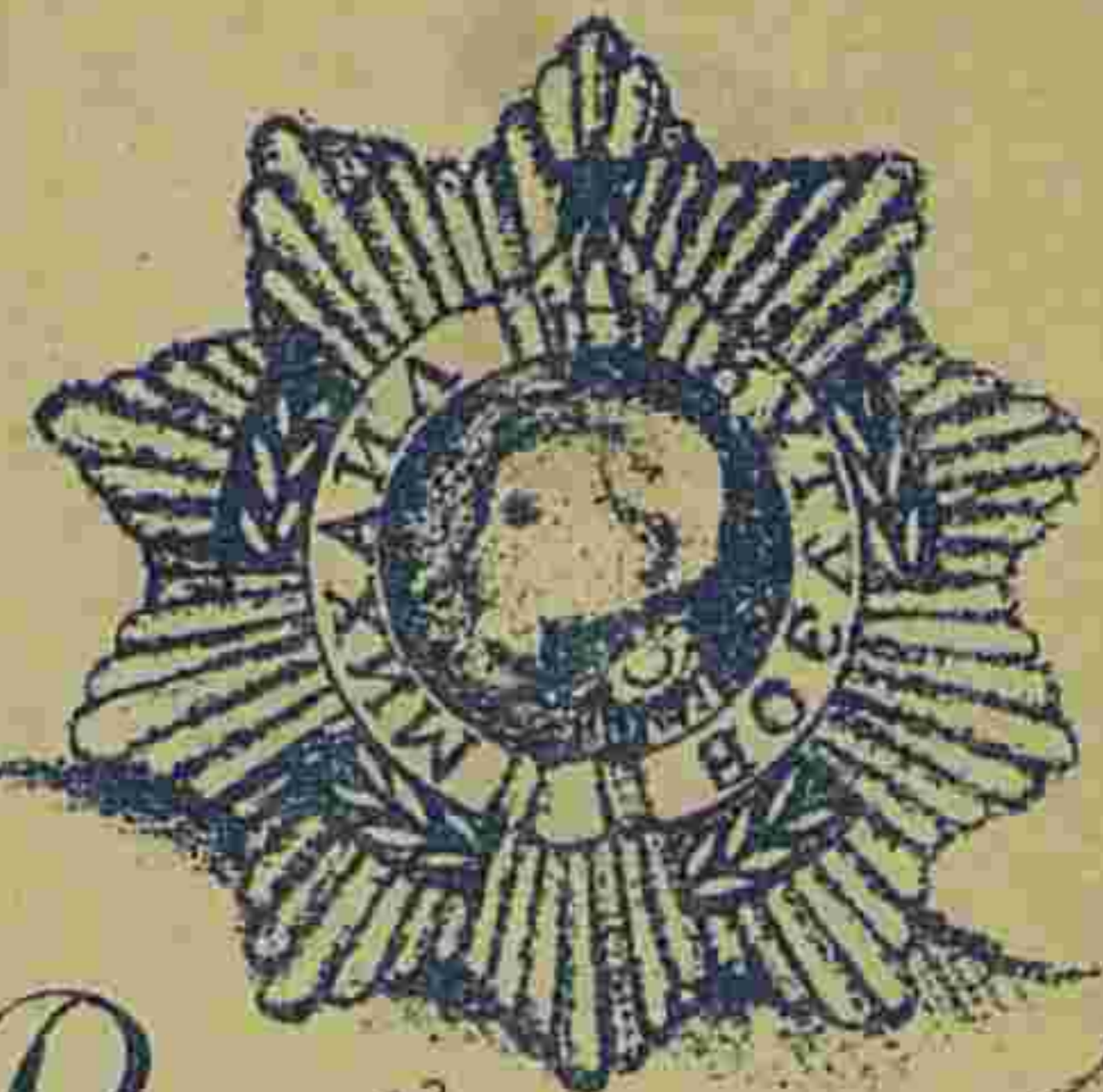
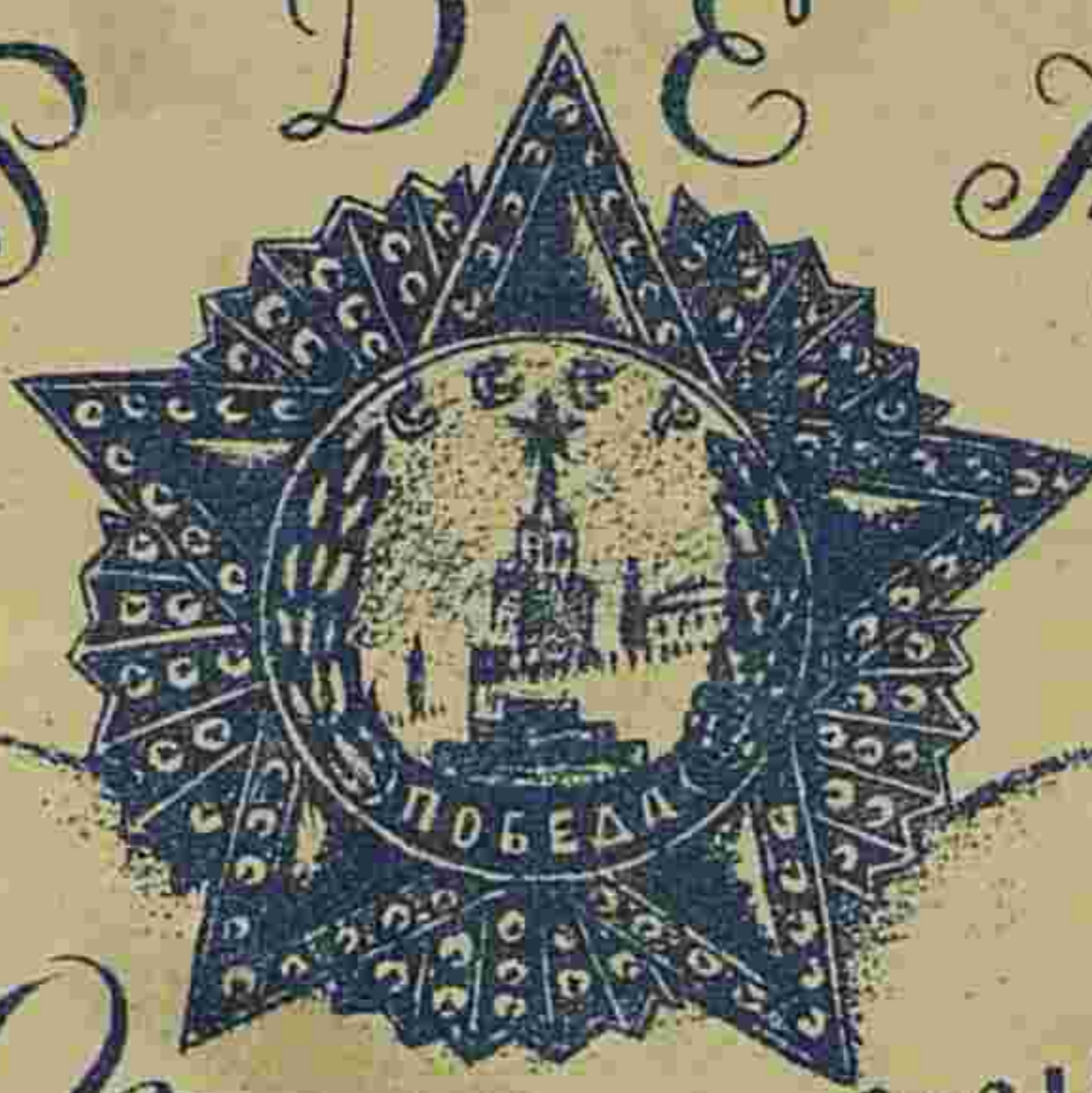
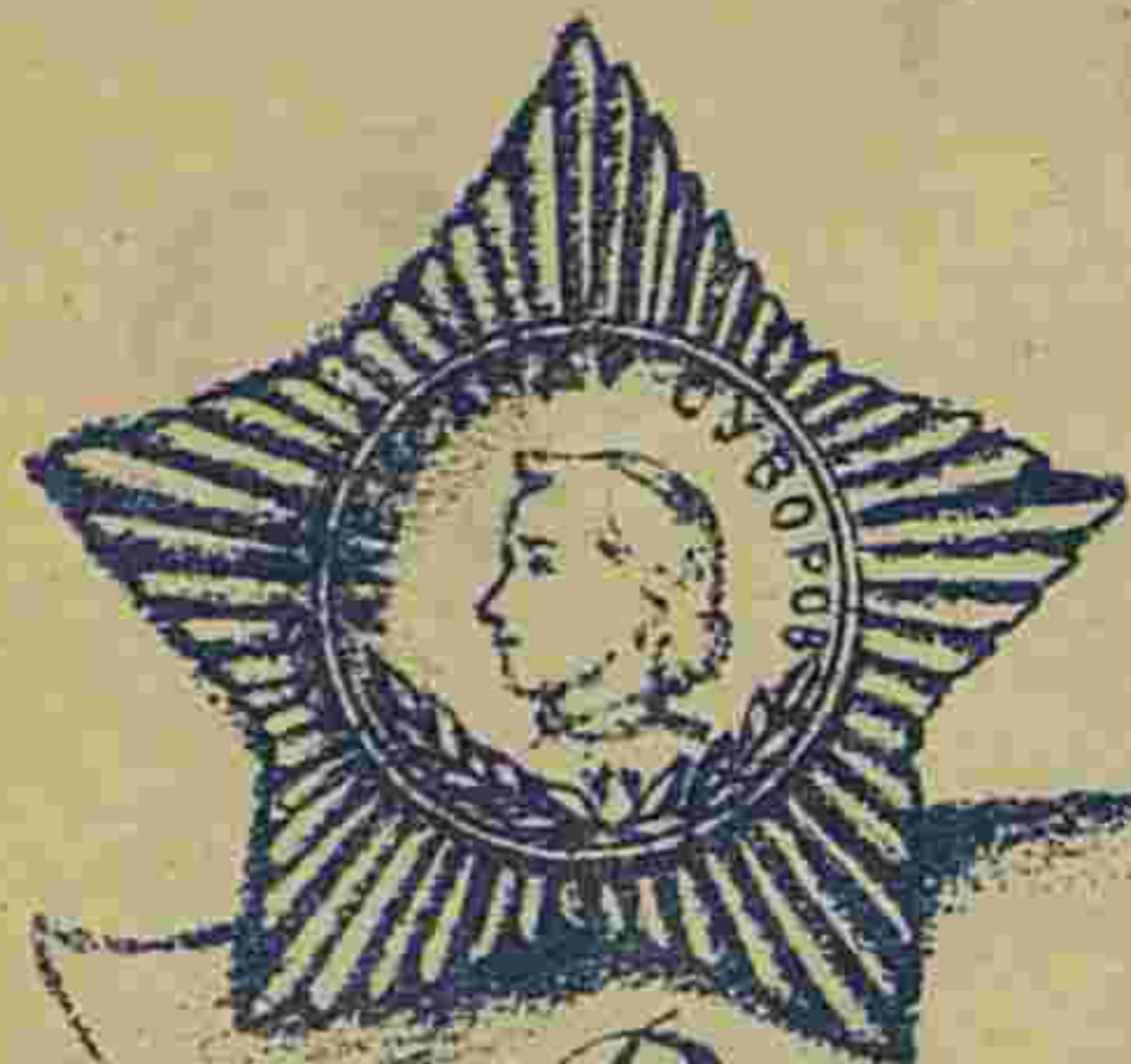
КОСТЁР

7-8

ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ 1944

С Д Е Ф А

Великой Отечественной Войны

За время войны с германским фашизмом правительство СССР установило много разных орденов и медалей. Ордена и медали — это высшая награда за особые заслуги и мужество в борьбе с врагом нашей Родины.

Александра Невского — награда офицеров и солдат за стойкость, мужество, отвагу, храбрость и военную хитрость. За эти же подвиги награждают и Орденом Славы. Медаль „Партизану Отечественной войны“

Здесь изображены основные ордена и медали, которыми награждают защитников Родины, бойцов и командиров Красной Армии.

получают те, кто боролся с врагом в его тылу, уничтожая гитлеровских захватчиков и тем помогал Красной Армии.

Орден Победы это награда тех руководителей армии, которые своими действиями приводят войска к победе над врагом. Этим орденом награжден Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза — Сталин. Орденами Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого награждаются наши генералы и офицеры за проявленное ими воинское искусство. Ордена Отечественной войны и

Медальями за оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда, Москвы и Кавказа награждают тех, кто боролся до конца за честь и независимость своего города, родного края.

Лучшие из лучших, храбрейшие из храбрых носят боевые ордена и медали. Эта высокая награда свидетельствует, что эти люди не жалели своей жизни в борьбе за честь, свободу и независимость своей Родины.

КОСТЁР

7—8

ИЮЛЬ — АВГУСТ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ЛЕНИЗДАТ ★ ЦК ВЛКСМ ★ 1944 ★ ГОД ИЗДАНИЯ ДЕВЯТЫЙ

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ
1860—1904

„Когда умрет Чехов, — писал за несколько лет до смерти Антона Павловича М. Горький, — умрет один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, сострадающий ей во всем, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям.“

ВАЛЬКА С ТОРПЕДНОЙ „ДЕВЯТКИ“

Аркадий Первенцев

Рисунки М. Таранов

Бухта была окружена пальмами и горами. В порту за волноломом набилось столько кораблей, что, казалось, они со скрипом терлись друг о друга боками. Сюда приходили эсминцы, потрепанные в морских сражениях, и приводились в порядок; ремонтировались подводные лодки, зашивались борта танкеров, проломленные торпедами.

Однажды в порт пришел на мелкий ремонт торпедный катер. В тот же день поездом из Тбилиси прибыл грязный и оборванный мальчишка в шахтерской шляпе. Мальчишка сойдя с поезда, немедленно направился в порт, куда магически тянуло каждого, прибывающего в этот город. Моряки торпедного катера только-что закрепили швартовы¹ и вышли на гранитные плиты-стенки. Их всего было пятеро: командир, — лейтенант Балашов, — механик, боцман, и два моториста. Внимание лейтенанта привлекла шахтерская шляпа мальчишки.

— Из Крындычовки? — спросил лейтенант, называя свой родной Красный Луч по-старому, как привыкли называть его шахтеры.

— Нет, — мальчишка покачал головой.

— С Горловки?

— Нет.

— Может, ты никакого отношения к шахтерам не имеешь? Только шляпу надел?

— Нет.

— Что „нет“?

Балашов приблизился к мальчишке, приподнял ему голову; на лейтенанта смотрели два черных быстрых глаза, точно врисованных в иссиня-белые ясные белки.

— Я с под Артемовска, — сказал мальчишка, строго смотря на лейтенанта. — Мой батя работал в МТС, в совхозе. Его немцы убили...

— Убили? — переспросил Балашов. — Вот оно что. Дело плохо... А ты чего сюда?

— Ехал, ехал и приехал...

— Как тебя звать?

— Валька, — не спуская своих черных глаз с лейтенанта, ответил мальчишка.

— Отца жалко, Валька?

— Отца? — мальчик нахмурился, но, прочитав в лице лейтенанта подлинное участие, тихо сказал: — Жалко. У меня хороший был батя. Ударник МТС...

— Ударник МТС? — лейтенант полюбил мальчишку и пошел с ним по набережной.

Боцман Свиридов, рыжеватый, веселый парень, посмотрел вслед командиру и сказал с сожалением:

— Дались ему эти мальчишки! Своего потерял где-то...

¹ Швартовы — трос, используемый для крепления корабля у пристани.

Лейтенант недолго шел по набережной. Вскоре он повернул обратно вместе со своим новым знакомым. У них, очевидно, произошел довольно дружеский разговор. Мальчишка не смотрел на лейтенанта с самолюбивой настороженностью, как несколько минут тому назад.

— Опять познакомились, товарищ командир? — спросил боцман.

— Опять, Свиридов. — Балашов повернулся к мальчишке. — Будьте знакомы: Валька, боцман нашего „океанского корабля“ — старшина первой статьи Свиридов.

Валька протянул свою правую руку, стесняясь того, что рука его грязная, а у боцмана Свиридова — чистая, загорелая, покрытая у кисти медными пятнами загоренных на солнце веснушек.

Подшли и остальные моряки с катера: механик Полевой, молодой парень из бывших трактористов, мотористы Сизов и Белошапка — портовые рабочие из Херсона, пришедшие на флот за четыре месяца перед войной.

Так состоялось первое знакомство команды торпедного катера „093“ — „девятки“, как называли катер, — с тринадцатилетним мальчишкой Валькой.

И люди первого встречного суденышка стали дороги Вальке и казались самыми лучшими моряками. Работали они всегда с песней, с шуткой, все были поголовно награждены, и это еще больше пленило мальчишку.

За пятеркой торпедной „девятки“ весь день следили черные глаза мальчишки, хотя моряки думали, что он приходит только к обеду. Да, ему хотелось есть. Заработать было негде. Валька сделал из консервной банки подобие котелка, достал алюминиевую ложку и приходил к катеру всегда точно к обеду, к двенадцати часам. Его безусловно обижало бы получение обедов где-либо в другом месте, так как кланчить он не привык, но сюда он приходил охотно. К нему относились, как к равному, и никогда не попрекали куском хлеба.

Однажды механик сказал, что мальчишке следует приступить к работе. Все согласились. Через несколько минут Валька был снабжен „соляркой“, ¹ ветошью и ему указали, что он должен подраить. Мальчишка ретиво принялся за порученную ему работу. Теперь, когда склянки проббили двенадцать, он с легким сердцем мог съесть свой обед.

Так продолжалось еще несколько дней, а потом ремонт был закончен, и катер должен был выходить в Хопи, где находилась

стоянка их дивизиона. Перед отплытием лейтенант и вся команда посоветовались, что делать с мальчишкой. Валька сидел на берегу, подперев щеки кулаками и печально смотрел на катер. Шахтерская шляпа уже была сменена бескозыркой, подогнанной по голове самим боцманом; поверх ситцевой рубахи лежал почетный матросский воротник. Паренек окреп, загорел, очистился от дорожной грязи, подстриг свои вихры.

— Возьмем его, ребята, — решил вдруг лейтенант. — Спросим начальство в Хопи, может, позволят взять вместо воспитанника.

Свиридов перемахнул на берег, подхватил мальчишку на руки и поставил его на палубу.

— Идешь с нами. Скажи спасибо товарищу командиру.

— Благодарю вас, товарищ командир, — Валька вытянулся перед Балашевым.

Катер зарокотал, как самолет, ничего не было слышно. Войдя в бухту, катер повернул к северу и ринулся по волнам. Валька, ухватившись за поручни, сжался в комок: его трясло, бросало, он чуть-чуть не прошиб себе висок одной из тех медяшек, которые ему приходилось так усиленно драть. Иногда мальчишке казалось, — катер ввинтится в воду и пойдет на глубине, как подводная лодка, иногда думалось, — вот-вот взвьется в воздух. Вскоре волны стали меньше, рев моторов как-будто ослабел и сразу потух. Немного подпрыгивая, как-будто с кочки на кочку, катер подошел к пристани в небольшой бухте.

... Командир бригады вызвал к себе командира катера „093“.

— Ну, Валька, за твоей судьбой отправился! — сказал лейтенант. — Молись, чтобы все было „ол райт“.

Командир бригады и начальник политотдела пожурили лейтенанта за опрометчивость. Балашов горячо доказывал, что мальчишка хороший, что его жалко бросать — испортится в портовом городе, что он привык к ним, а они — к нему.

— Нет таких традиций, чтобы брать воспитанников на катер, — сказал командир бригады. — Ну, другое дело на крейсер, эсминец.

— Как исключение, товарищ командир.

— Мальчишка свяжет вас по рукам и по ногам. А если, к примеру, ранят его, а если ногу оторвут? Тринадцать лет мальчишке!

— Постараемся его сохранить, товарищ командир, — говорил Балашов, чувствуя неубедительность своих доводов.

— Какой он? Может быть фитюлька? Потрясет на катере и сломает?

— Совершенный моряк-черноморец, товарищ командир, — похвалил питомца лейте-

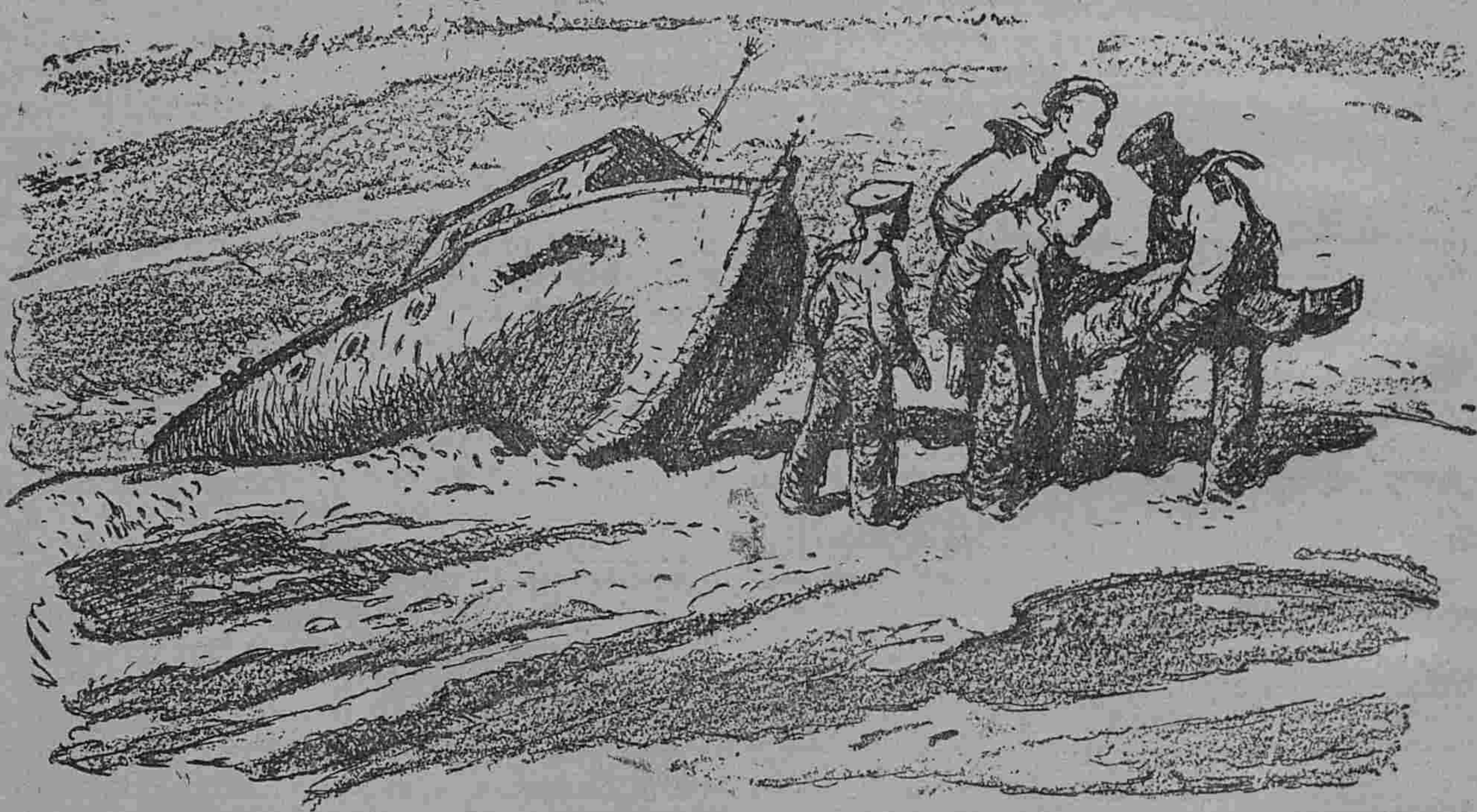
¹ Банка с соляровым маслом.

нант: — крепыш, железный парнишка. Разрешите только оставить, товарищ командир!

— Ну что с вами делать! — покачал головой командир бригады. В общем, на ваше усмотрение. Только чтобы я его не видел и никто из начальства.

Возвратившись на катер, Балашов серьезно поговорил с мальчишкой. Валька понял: его все же оставили на катере, а это самое главное. А уж прятаться при виде всякого начальства он сумеет. Он никогда не подведет своего командира.

А потом наступили большие и трудные дни. На все боевые задания неизменно выходил вместе со всем экипажем и Валька.

Очень скоро Валька освоил пулемет, наощупь знал каждую деталь, прекрасно изучил все его капризы. Он проводил много времени в моторном отсеке, и сложное моторное хозяйство было познано им. Иногда, в открытом море, командир глазами приглашал мальчишку положить руки на штурвал, указывая ему, что нужно делать, чтобы катер слушал его, и детские руки постепенно привыкли к механизму управления.

— Из него будет толк, — говорил Балашов. — Вырастим черноморца...

Катера обычно несли ночную дозорную службу, охраняя важную коммуникацию. Сюда, в засады, приходили с наступлением сумерок немецкие торпедные катера и располагались у берегов в кильватерной ко-

лонне, приглушив моторы. Немцы всегда приходили группами от четырех до двенадцати катеров.

Выйдя однажды в дозор в составе двух катеров, при ведущей „девятке“, Валька заметил на темном горизонте силуэты неприятельских катеров. Проверив наблюдения мальчишки, боцман сообщил Балашову, а тот, передав по радио на базу об обнаружении противника, решил его атаковать.

Это был для Вальки первый бой. Ему казалось безумием идти в атаку двумя катерами на двенадцать немецких. Море было большое и хмурое, всегда можно было уйти от противника и спрятаться в его просторах. Но Балашов мчался вперед, туда, где ожидали и увеличивались в размерах корабли

противника. Надо было выгнать немцев из засады.

Глухой и непрерывный стук пулеметов, рев моторов и шипение бурунов, вздымающихся по обоим бортам катера, совершенно ошеломили мальчишку. Но на катере каждый занимался своим делом.

По катеру немцы вели огонь; Валька разобрал даже резкий разрыв снарядов, видел столбы воды, узкие и быстрые, моментально пропадавшие за ними, разобрал свист осколков. Потом катер развернулся левым бортом и полетел к берегу. Командир поднял руку и долго махал ею.

Валька был только свидетелем боя. Потом, раздумывая над поведением экипажа, он понял, что ему тоже могло найтись место. Но

когда? Только тогда, если... кто-нибудь погиб. Но он сразу же отогнал от себя такие страшные мысли, от которых защемило сердце.

Валька затаенно ожидал какого-то дела, подвига. Что он делает? Пока ничего.

Свой подвиг Валька совершил неожиданно для себя.

Десантная операция была решена с присутствующими черноморцам храбростью и дерзостью. „Черная туча“, как называли морскую пехоту немцы, нагрянула на занятые противником берега, низкие, утопающие в сером прибое. Торпедные катера обеспечивали левый фланг морского десанта, чтобы отсюда не пришли корабли противника, базировавшиеся на Феодосию и Ялту.

Но противник пришел, и с ним вступили в бой „балашовцы“.

На дозорную двойку катеров, во главе с балашовской „девяткой“ бросились четыре немецких килевых катера шестидесятитонного водоизмещения.

Морской бой на этот раз проходил в неравных условиях. Опасность обострялась тем, что вместо легких катеров пришлось иметь дело с тяжелыми катерами.

Балашов решил отходить под прикрытием своей береговой артиллерии. Вызвав по радио поддержку и пользуясь превосходством в скорости, он оторвался от противника.

В это время из-за бурунов выпрыгнули еще четыре торпедных катера, маскировавшиеся у скал. Балашов принял бой. Поддержка должна была быть вот-вот...

— Сейчас начнется настоящая работенка, — прокричал Балашов на ухо Вальке. — Держись! Маневр и огонь! Может, отмотаемся.

Это были последние слова, которые услышал на борту корабля Валька от своего командира.

Немцы атаковали с двух сторон. Они пронеслись мимо, повернув в сторону двух советских катеров все свои пушки и пулеметы. Балашов решил торпедировать немцев. Один катер врага сразу пошел ко дну, как бы провалившись в пучину, второй загорелся. Оставалось еще шесть катеров. Злой огонь снова налетел на „девятку“ и когда оглушенный падением мальчишка вскочил на ноги, ни командира, ни боцмана, ни механика не было у своих мест. Они тоже упали, но подняться не могли. Катер, лишенный управления, как ореховая скорлупа прыгал на волнах. Моторы работали, но управлять ими было некому. Валька подполз к командиру, и ему показалось, что рука командира отделена от туловища; лишняя, черная кровь разлилась вокруг. Боцман повис у пулемета, и его бросало из стороны в сторону.

— Товарищ командир! — Валька склонился к лейтенанту. — Товарищ командир...

— Валька, выручай! — хрипел лейтенант. — К штурвалу, Валька! Катер выбрасывай на берег у Синеи бухты...

— Есть, товарищ командир!

Валька поднялся к штурвалу, забрызганному кровью, и в точности выполнял все, что кричал ему Балашов.

Внизу почувствовали управление. Сильнее забурчали моторы. Значит, Белошапка и Сизов живы, он не один на израненном корабле.

Валька направил катер по курсу, указанному ему командиром. Он видел перед собой острую скалу, похожую на парус, вставшую торчком из глубины. Вправо от скалы „Синья бухта“: там отлогий берег и мелкая галька.

Мальчишка почти лежал на штурвале и ловил каждое слово командира. Слух его обострился до предела.

Берег быстро приближался. Валька сбавил обороты моторов. Катер нырял, зарывался носом — очевидно его подолбали, и он начинал захлебываться. Но машины, эта могучая механическая сила, тащили катер вперед и вперед. Подполз израненный Свиридов.

Из моторного отсека высунулись головы Белошапки и Сизова. Они махали руками, как птицы, но командир кричал: „Так... так, держать, Валька!“ Белошапка и Сизов нырнули снова вниз.

Валька отдал команду и выключил моторы. Стало тихо, только гудела вода. Потом послышался треск, удар, и катер, выпрыгнув на берег, продрал днище камнями и свалился набок.

С горы уже бежали какие-то люди с оружием в руках. Валька при помощи Белошапки и Сизова спускался на песок лейтенанта, боцмана и механика.

Подошли запыхавшиеся люди, а вскоре причалил санитарный катер, чтобы принять раненых на борт. Валька как бы выросал в своих собственных глазах: его команды выполнялись. Вслед за санитарным катером прибыл катер с техпомощью. Матросы наложив временные заплатки на пробитые бока, откачали ручными помпами воду, проверили моторы и, поставив катер на плав, попросили довести до базы. Валька развернулся и повел катер к базе. Это было недалеко.

Торпедный катер „093“ вошел в бухту и по всем правилам отшвартовался у цирса, где находилось начальство.

— Кто командир? — спросил изумленный командир бригады: он не мог поверить, каким образом, ничуть не „хромая“, мог подкатить этот странный мальчишка.

— Товарищ командир бригады! Вольнонаемный Валентин Галин прибыл на торпедном катере из боевой операции. Из экипажа трое раненых, — отрапортовал Валька.

— Трое раненых и все герои, — сказал командир бригады, прижимая к себе мальчишку.

Валька шел позади командира бригады. Когда раскрылись двери палаты, мальчишку подтолкнули вперед:

— Иди.

Валька обошел койку и, увидев лейтенанта, сразу осознал то ужасное, несправедливое, что произошло с этим хорошим чело-

веком. Тяжелые крупные слезы покатались сквозь пальцы по огрубевшим рукам Вальки.

— Валька, что ты! — Балашов обнимал его здоровой своей рукой. Не выпуская мальчишка из своих объятий, он обратился к командиру бригады: — жизни наши спас! Мало того, боевой корабль спас, товарищ командир...

— Балашов, все знаем, успокойся, — сказал командир бригады. — Представим Вальку к боевому ордену наряду со всем экипажем и зачислим краснофлотцем в дивизион.

Так началась морская жизнь Вальки с торпедной „девятки“, может быть, — будущего русского адмирала.

„В С Ю Д У - П О М О Щ Н И К И“

Когда ученые будут писать историю обороны нашего города, они, наверное, одну из глав своей книги назовут так: „Как школьницы и школьники помогали защищать Ленинград“.

Но ученым придется обязательно написать о нашем городе еще вторую книгу: „Как был восстановлен Ленинград“. И в этой книге тоже будет особая глава, рассказывающая о том, что делали школьники и школьницы, чтобы помочь взрослым быстрее залечить раны, нанесенные Ленинграду фашистами.

Многие из будущих читателей этих книг, прочитав, например, о том, что ленинградские ребята сложили в штабеля летом 1944 года столько-то десятков тысяч кирпичей, припомнят: „А ведь и на мою долю здесь приходится полтора десятка штук, а весь наш класс сложил тогда не менее четырех с половиной тысяч. И этими кирпичами каменщики починили разрушенную бомбой стену дома на такой-то улице“.

Через несколько лет, проходя мимо сада или сквера, многие скажут: „Вот этот клен и этот тополь осенью 1944 года я посадил своими руками“.

В Приморском районе есть школа № 50 для девочек. Летом пятые, шестые, седьмые классы школы огородничали в совхозе „Красная заря“. А несколько девочек остались в городе, чтобы помочь отремонтировать школу. Они организовали бригаду учениц в девять человек, которая помогала учителям и работникам школы штукатурить и белить стены. В школе нужно было побелить, покрасить тринадцать тысяч квадратных метров. На этих тринадцати тысячах квадратных метров стен, потолков было множество трещин, выбоин.

Под руководством своей преподавательницы географии, Александры Дмитриевны Бойтман, бригада девочек „расшивала“, как говорят специалисты, трещины, промазывала щели у плинтусов, заделывала все выщербленки, выбоины. Нелегко было работать. Известь основательно разъедала пальцы, болели первое время мышцы рук от непривычных движений. Но зато теперь стены в школе гладкие, гладкие.

Каждый день эта бригада молодых восстановителей работала по пять—шесть часов. Школьницы мыли полы, окна, двери, лампы после того как

кончалась побелка и окраска классов и коридоров.

„Теперь мы не позволим ученикам пачкать или царапать стены школы“ — говорят эти девочки.

Такая же бригада девочек работала и в 47-й школе. А две ученицы 8-го класса этой школы, Герке и Покровская, под руководством учителя химии Георгия Ефимовича Шмаракова, выучились вставлять оконные стекла. Георгий Ефимович нарезал стекла алмазом, а они вставляли их в рамы и промазывали замазкой. Теперь во всех классах стало светло, исчезли из окон фанерные листы.

Во многих школах нужно ремонтировать парты, учительские столы, классные доски, нужно исправить электропроводку, починить выключатели. А столяров, электромонтеров найти трудно. Какой же выход из положения? Очень простой. „Нужно сделать эти работы нам самим“, — решило несколько мальчиков из школ Приморского района. Они организовали две „летучие бригады“ — столяров и электромонтеров. „Летучие бригады“ за лето побывали во всех школах своего района и починили поломанные парты, сделали новые рамы для окон, где это требовалось, проверили электропроводку, подтянули провода на ролики, изготовили электропробки, поставили вместо испорченных новые выключатели, штепселя, патроны для ламп.

Осенью в первые классы школ придут маленькие ребята — семилетки и восьмилетки. Каждому новичку нужна разрезная азбука с большими буквами, чтобы он выучился читать. Где взять столько азбук? Есть, конечно, напечатанные типографским способом, но на всех нехватит. Остальные нужно изготовить в школе.

Девять девочек из 4-го класса 50-й школы решили сделать такие азбуки. После завтрака девочки по три часа в день рисовали на плотных листах бумаги буквы алфавита, а потом вырезали их и раскладывали в конверты. За несколько дней эта бригада по учебным пособиям сделала три тысячи букв. После разрезных азбук они принялись за изготовление азбук-картинок. Своим маленьким делом они принесли большую пользу.

Честь и хвала приморцам-школьникам: малярам и штукатурам, огородникам и „азбучникам“, „летучим“ столярам и монтерам, одним словом, — „всюду-помощникам“.

На полях совхоза

Огромны поля Приморского совхоза на окраине Ленинграда. На них выращивают десятки сортов овощей. Этим летом в совхозе трудились старшекласники из 52-й школы для мальчиков. Они прошли полный курс огородных работ: сажали рассаду, сеяли семена, поливали гряды, уничтожали сорняки и вредителей растений, окучи-

вали картофель, заготавливали семена, убирали урожай.

В свободное время школьники - огородники занимались спортом, военными играми, читали, проводили пионерские и комсомольские сборы. Все мальчики окрепли на свежем воздухе, набрались новых сил для предстоящего учебного года.

Урожай поспел!

Беседа по агротехнике на свежем воздухе.

В засаде на перчатках разбойников.

Заготовка семян на будущий год.

Переходнице краеное знамя у нашей бригады!

Органы

Вл. Лифшиц

Рис. Н. Петровой

Я скажу при всем народе:
Если мне двенадцать лет,
А приятелю Володе
И одиннадцати нет,
Мы тут вовсе не причем, —
Нам работа — нипочем!

В раму вставил он стекло, —
Стало в комнате светло!
Я сменил на кухне кран, —
Льет водичка по утрам!

Кто белила приволок?
Он белила приволок!
Кто покрасил потолок?
Я покрасил потолок!
Я малярной кистью тыкал
В самый дальний уголок!...

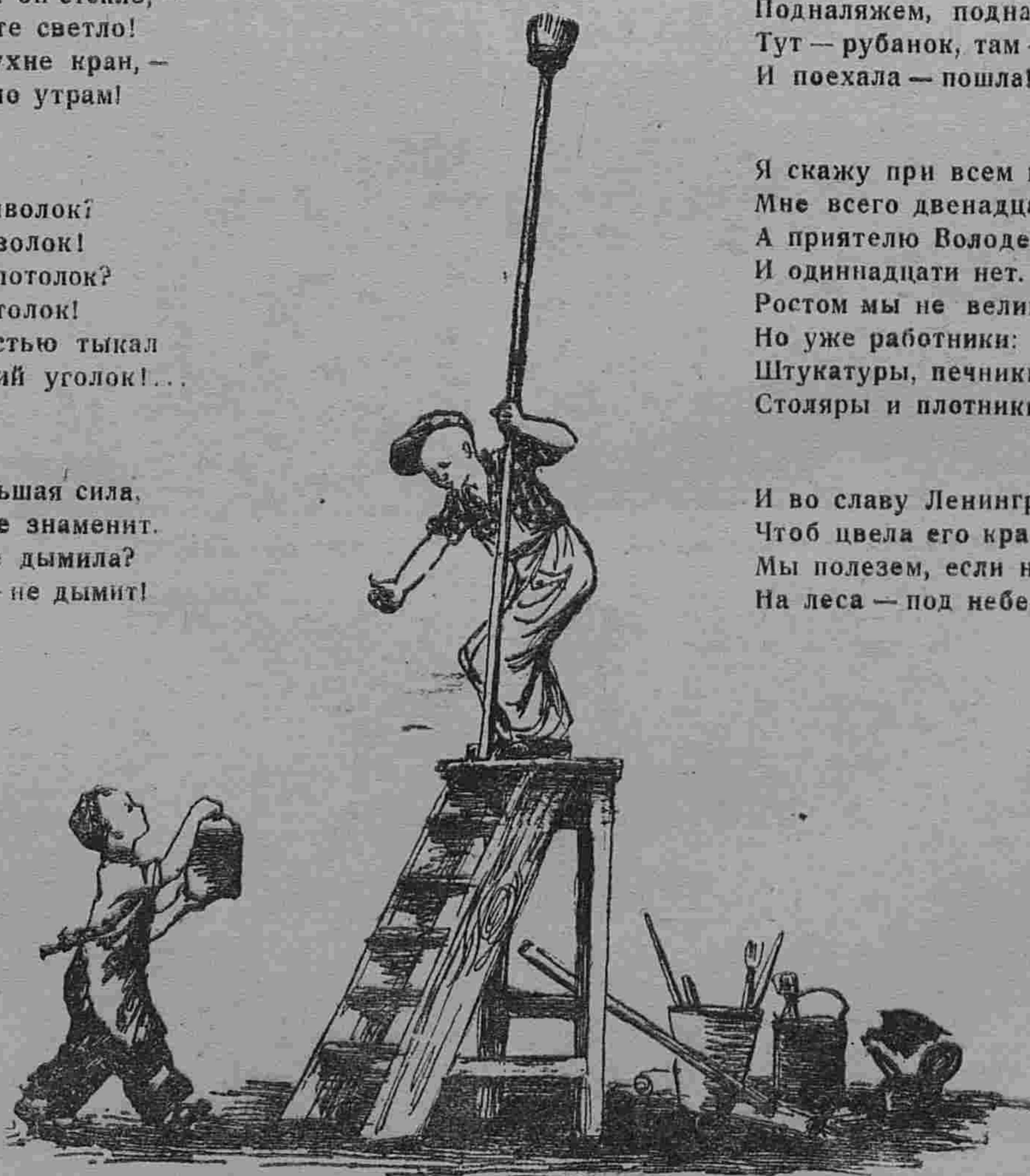
Я, да он — большая сила,
Каждый в доме знаменит.
Разве печка не дымила?
А вот нынче — не дымит!

И теперь у нас в квартире,
Невский, семьдесят четыре,
„Ленинградцы — молодцы!“
Говорят про нас жильцы,

За любое дело взяться
Мы готовы с ним вдвоем.
— Ну-ка, братцы-ленинградцы,
Подналяжем, поднажмем!
Тут — рубанок, там — пила,
И поехала — пошла!

Я скажу при всем народе:
Мне всего двенадцать лет,
А приятелю Володе
И одиннадцати нет.
Ростом мы не велики,
Но уже работники:
Штукатуры, печники.
Столяры и плотники!

И во славу Ленинграда,
Чтоб цвела его краса,
Мы полезем, если надо,
На леса — под небеса!

РАССКАЖИТЕ НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

О МЕЧТЕ

Вс. Успенский

Над мечтателями частенько смеются. Любителя помечтать мы чаще всего представляем себе в образе лежебоки, — лентяя, неспособного ни к какому труду, целый день проводящего на диване, как гончаровский Обломов.

Есть еще и другой „ходячий“ образ мечтателя. Это — чудака, человек нескладный, рассеянный и нелепый. Вечно он занят своими, ему одному понятными, мыслями, вечно бормочет себе что-то под нос. На людях он страшно застенчив и тих, но по улице мчится не разбирая дороги. Про таких людей говорят с презрением или с жалостью: „Ну, этот! Да он не от мира сего, мечтатель! Что с него взять?“ — и отходят, махнув рукой.

А вот знаменитый поэт Жуковский писал, что только в мечтах и возможно настоящее счастье.

Кто же прав? Портит ли человека привычка мечтать, превращая его в чудака, или, напротив, мечта возвышает людей, делает их благородней и лучше? Вредно или полезно мечтать?

Бесплезные мечты

Есть у Гоголя в „Мертвых душах“ помещик-мечтатель Манилов. Иногда, глядя с крыльца на двор, говорил он о том, как хорошо бы от дома провести подземный ход или через пруд выстроить каменный мост, на котором были бы по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары. При этом глаза его делались сладкими и лицо принимало самое довольное выражение. Впрочем, все эти прожекты так и оканчивались одними словами.

Зачем устраивать подземный ход и каменный мост в мирной захолустной помещицкой усадьбе? Для чего строить лавки на мосту через пруд? Не лучше ли было бы выстроить их просто в деревне? Эти барские прожекты никому не были нужны: ни барину, ни крестьянам. Мечта Манилова бесполезна.

Мечта становится былью

Нередко бывает и так, что, на первый взгляд совершенно неисполнимые желания человека удается осуществить, стоит только правильно подойти к решению задачи. Иногда сбывается и тысячетлетняя мечта. Вспомним историю авиации. Она начинается со сказки. Царь Минос, повелитель острова

Крит, держал у себя в плену афинянина Дедала, зодчего и ваятеля.

Увлеченный мечтой о свободе, Дедал собрал лебединые перья, скрепил их воском и сделал крылья для себя и для своего сына Икара. Прикрепив эти крылья ремнями к рукам, он взлетел над землей и понесся над морем, как птица. Икар полетел за отцом. Старый Дедал сберегал свои силы и низко летел над водой. А юный Икар в восторге помчался к самому солнцу. Оно растопило пчелиный воск. Перья из крыльев Икара, крутясь и сверкая на солнце, посыпались в море. Камнем упал вслед за ними Икар и погиб в бездонной пучине. Икар погиб, но мечта о летающем человеке осталась. Она облетела все страны. Из этой мечты родились другие чудесные сказки. Икар превратился в царевну-лебедь, а крылья Икара — в ковер-самолет. Проходили века, но люди не забывали об этих сказках, хотя стремление человека летать и казалось неисполнимым.

Но вот, в XVI веке, величайший из гениев эпохи Возрождения, Леонардо да Винчи, первый высказал мысль, что это стремление не так уж неисполнимо.

Он изучил анатомию птиц и физические законы полета. Он набросал чертежи летательного аппарата и умер в уверенности, что рано или поздно, но человек обязательно полетит.

В наши дни предсказание Леонардо сбылось. Человек полетел. Невозможное стало возможным. Сейчас мы уже равнодушно следим за полетом самолета. Нам трудно

представить, что это летит воплощенная в мощной машине древняя сказка о крылатом Икаре или о ковре-самолете. За какие-нибудь сорок лет мы успели забыть, что понадобилось двадцать восемь веков для того, чтобы ум человека нашел правильное решение великой задачи, к которой древние люди не знали как и подойти. Двадцать восемь веков жила на земле мечта о летающем человеке. Двадцать восемь веков она будила, толкала вперед и тревожила человеческий ум для того, чтобы сказка сделалась былью.

И она победила, добилась чего хотела. Такова великая сила мечты!

Вредная мечта

Иногда бывает так, что мечты плохих людей и безумцев приносят не пользу, а вред.

Некогда жил на земле честолюбец по имени Герострат. С юных лет он мечтал прославиться, чтобы имя его не забылось до скончания веков. Но чтобы стать знаменитым, надо придумать, изобрести или сделать что-то великое. А Герострат ни к чему великому не был способен.

Однажды в темную ночь, когда зашла луна, жители города Эфес были разбужены плачем и шумом. Люди, накинув на плечи попавшуюся под руки одежду, с криками бежали по улицам к знаменитому храму богини Дианы эфесской, — одному из прекраснейших зданий древнего мира. Храм пылал. Над ним поднималось огромное зарево. Языки золотого огня, извиваясь как змеи, лизали подножье храма Дианы. Кровля рушилась и колонны шатались. А на черной, как уголь, скале, против храма, стоял человек с обугленным факелом в правой руке и с надменно закинутой головой. Это был Герострат-поджигатель. Неспособный ни на какое великое дело, Герострат решил прославить себя преступлением. Имя его люди запомнили навсегда, но как имя преступника. Для нас мечта Герострата уже не мечта, а бред безумца.

Мечта о великих открытиях

Мечта о великих открытиях пятнадцатом веке всю Западную Европу облетела мечта о невиданных землях востока и юга, полных золота, пряностей, благовоний и драгоценных камней. Людям тесно стало в Европе. В те времена в Испании появился мечтатель-фанатик, Колумб. Длиннорукий, с худым, загорелым лицом, с немигающими глазами орла, острыми как кинжал, с твердой поступью. Он обращался к двум королям, он заискивал у министров, придворных, подавал прошения. Он готов был на все, лишь бы только достать корабли и пуститься на них за океан в Индию, о сказочных богатствах которой мечтали тогда все европейцы. Покуда другие упорно искали путей в Индию на востоке, он на трех утлых кораблях пустился на запад. В основу своей мечты, Колумб положил научную догадку — гипотезу о том,

что земля шар, что, плывя по безбрежному океану на запад, можно ее опоясать и возвратиться с востока.

Попутный восточный ветер надул паруса эскадры Колумба, и мечта о сказочной Индии понеслась впереди каравелл, указывая дорогу в волнах. Путешествие Колумба подтвердило его научную гипотезу, но мечта завлекла Колумба в Америку. Правда, открытие Америки оказалось самым великим открытием той эпохи. Если бы Колумб не мечтал об Индии, он никогда не попал бы в Америку, за гигантским материком которой лежит прямой путь в Индию через Великий океан.

Мечта полководца

Самым великим мечтателем был Суворов. Известно, что он родился слабым и хилым младенцем. Отец его, старый воин, только вздыхал, смотря на тщедушного сына. Такого нельзя записать в гвардейский полк, он даже и в барабанщики не годится. А мальчиком с детства овладела мечта о воинской славе. Мечта являлась ему то в образе Александра Македонского, то Ганнибала, то Юлия Цезаря. В мечтах он видел себя могучим и сильным, верхом на коне, с мечом или шпагой в руке. Он брал неприступные крепости, разрушал города, побеждал прославленных полководцев. И мальчик Суворов решил покорить мечте свою собственную природу. Он носился верхом на неоседланной лошади, мок под дождем, спал на голой доске, закалял себя против зноя и стужи. И путем тяжелых лишений он победил свое собственное тело. Слабое, оно сделалось необычайно выносливым, хрупкое, оно стало крепким и терпеливым. Эта победа будущего полководца над собственным телом была первой и самой важной его победой в жизни: ведь без нее он не стал бы солдатом.

Государство, о котором мечтали

Государство, о котором мечтали далеких времен люди мечтали когда-нибудь создать такое справедливое государство, где не было бы ни господ, ни рабов, ни пресыщенных, ни голодных, ни нищих, ни богачей, а все были бы одинаково свободны и во всем равны. Это была излюбленная мечта человека, но как построить такое государство и каким оно должно быть — никто не знал.

В XVI веке в Гельси, близ Лондона, поселился Томас Мор, канцлер английского короля Генриха VIII, человека капризного, вероломного и жестокого. Еще в юности Томас Мор интересовался политикой. Он превосходно знал все пороки и все недостатки своей старой Англии. Мор видел, как грубо на каждом шагу король и его любимчики попирают законы, как они притесняют простой народ, и гнев кипел в его сердце.

Смелый и честный, Томас Мор увлекся мечтой о чудесном государстве свободы и справедливости. В мыслях своих он стран-

ствовал по морям за призраком этого государства, как некогда плыл Колумб за мечтой об Индии.

И он написал интересную книгу о моряке, попавшем на сказочный остров „Утопия“ (место, которого нет), где труд обязателен для каждого человека, где каждый работает для другого и все друг для друга, где люди, кроме преступников, равны и свободны, где нет ни богатых, ни бедных, потому что решительно все, что создано общим трудом, делится между всеми.

Мор погиб на плахе за свою мечту о чести и справедливости, но его стремления не погибли. Век за веком к ним возвращались мыслители. С каждым веком ясней и ясней становился образ государства-мечты.

Наконец, в XIX веке, Карл Маркс, изучив законы истории, доказал, что государство-коммуна, о котором мечтал Томас Мор, не несбыточная фантазия, не „утопия“, а живая и близкая цель. Маркс учил, что такое прекрасное государство можно построить только путем социалистической революции, и что его непременно построит рабочий класс в революционной борьбе против тех, кто его угнетает. Маркс в основу мечты положил науку, и опять невозможное стало возможным, а мечта превратилась в быль.

Прошел один только век, а мы с вами уже живем в социалистическом государстве, том самом о котором так страстно мечтали на протяжении многих веков передовые, лучшие люди.

Мечты Ленина

Когда думаешь о великих мечтателях, прежде других вспоминается Ленин, Владимир Ильич. Так и видишь его глаза, спокойные, добрые, полные мысли, то внимательно зоркие, то с легкой насмешкой смотрящие прямо с портрета, как раз на тебя. Они точно спрашивают: „Ты кто? Что ты сделал хорошего для людей? За что ты боролся? О чем ты мечтал?“ И те, кто действительно делал хорошее в жизни, любят смотреть в глаза Владимиру Ильичу, а тем, кто делал плохое, — от взгляда Владимира Ильича становится стыдно, не по себе.

Когда юноша-Ленин вступил на тернистый путь революционера-марксиста, Россия была огромной, но очень отсталой и темной страной.

Самая мысль о том, что на месте царской России за несколько десятилетий можно построить свободное государство социализма, казалась тогда фантастической мечтой.

Нужна была огромная смелость мысли и твердая вера в возможность ее осуществления, чтобы тогда же начать подготовку к будущей социалистической революции. Именно эта вера у Ленина и была.

Ленин был великий ученый и в основу своей мечты он положил науку — законы истории. А тот, кто умеет научно обосновать свои мечты, может обладать даром предвидеть будущее. И тогда мечта становится уже реальной и практической целью, для исполнения которой надо объединить людей. Так и поступил Ленин. Сплотив вокруг себя пролетариат, он разработал грандиозный план революционной борьбы против эксплуататоров. И задача осуществить великую перестройку страны, от древних времен пахавшей землю сохой и плугом, в государство заводов-гигантов, где как пчелы гудят тракторы и волнуются океаны пшеницы, — осуществилась.

Великий мечтатель, Владимир Ильич, был в то же время великим практиком. Его не могла увлечь ненужная людям или явно несбыточная фантазия. О чем бы он ни мечтал, он всегда задавал вопрос: „а как это сделать?“ И лучше его никто не умел ответить на этот вопрос.

Надо было быть настоящим мечтателем, чтобы увидеть яркий свет электрической лампочки в курной деревенской избе, где еще вчера коптила лучина.

Но Ленин в самые трудные годы войны, интервенции, голода и разрухи упорно обдумывал план электрификации нашей страны. Мечта его видела на десять лет вперед и он хорошо знал, как можно добиться ее осуществления.

Вот почему ленинские мечты у нас на глазах, одна за другой, становятся былью.

Для настоящего ленинца мечтать — значит предвидеть будущее и строить его. Никогда не забывай ленинских слов: „большевики должны уметь мечтать“.

Мечтай так, как мечтал Ленин. Мечтай и не смейся над тем, кто мечтает, если его мечта не бессмысленна, не преступна, а движет вперед человеческий ум. Запомни, что часто „несбыточное“ становится былью, если его хорошенько обдумать и правильно взяться за его осуществление.

Не бойся смелой мечты, но учись за нее бороться и в этой борьбе будь тверд.

ДЮЖИНА

В давно минувшие времена ученые древнего халдейского народа нашли, что самая удобная единица счета такая, которая делится без остатка на три, на четыре, на шесть. Поэтому они взяли за единицу пять дюжин или 60. В наследство от этих седых времен осталась у нас халдейская система деления окружности — 60 секунды в одной минуте; 60 минут в одном градусе; 360 градусов (6 раз по 60) в полном круге. Время мы также продолжаем считать по дюжинной системе: 12 месяцев в году; 2 дюжины часов в сутки; 5 дюжин минут в часе и т. д.

Мы иногда и теперь считаем дюжинами, например, при упаковке штучного товара. Банки, коробки можно расставлять в ряд по две, по три, по четыре и по шесть — как удобней.

О зелёном хозяйстве

рассказывает агроном Василий Георгиевич Тулинцев

„Когда я слышу как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками я сознаю, что климат немножечко и в моей власти и что, если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду повинен и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью.“

А. ЧЕХОВ „Дядя Ваня“

У нас в Ленинграде огромное „зеленое хозяйство“. Парки Кировских островов, Удельнинский, Лесотехнической Академии, Сосновка, Александровский, Петровский, Летний сад, Таврический, Михайловский — всех сразу и не перечислить. Стоимость этого обширного хозяйства оценивалась в три с половиной миллиарда рублей. И это в самом городе, не считая пригородов!

Деревья и цветы не только радуют наш глаз. Они улучшают климат города. Растения наших парков и садов поглощают вредную для человека углекислоту и выделяют живительный кислород, приглушают городские шумы, подобно тому, как поглощает звуки в комнате мягкий ковер. В озелененном городе мало пыли, она оседает на листьях растений и ее смывает дождем.

В „зеленом хозяйстве“ Ленинграда до войны работало множество специалистов: инженеры, ученые садоводы, агрономы и садовники. Они выращивали каждый год десятки и сотни тысяч новых деревьев и кустарников и миллионы экземпляров цветов, чтобы поддержать, улучшить и расширить городские цветники и сады.

Но вот началась война, блокада, — и наше великолепное хозяйство пришло в упадок. Пришлось разрывать газоны и клумбы, чтобы выкопать земляные щели. От бомбежек и обстрелов погибали растения.

Огромные опустошения произошли и в наших садоводствах. Например, на территорию крупнейшего и старейшего в Ленинграде садоводства — Таврического — упало восемь фугасных бомб и двенадцать тяжелых снарядов. А в этом садоводстве находились прекрасные оранжереи, парники, питомники. Если снаряд или бомба не разрушали самого здания оранжереи, то стекла их крыш при близком разрыве вылетали обязательно. В обычном доме стекла окон можно заменить фанерой, а в оранжерее нельзя. Растение не может жить без света, так же как и без воды и без тепла.

Однажды после бомбежки, когда была разрушена одна из самых больших оранжерей, сотрудники садоводства шестьдесят часов без отдыха и передышки перетаскивали растения в другую, уцелевшую. Перетащили, разместили. Но прошло немного времени и в эту оранжерею угодила снаряд...

Садоводы продолжали бороться за жизнь своих зеленых питомцев. Укрывали чем только могли дорогие декоративные растения — пальмы, старались хоть печурками поддержать в оранжереях такую температуру, при которой растения не погибли бы окончательно. Иногда уносили растения

в помещения, где жили сами, хотя и там не всегда было достаточно тепло. Но не всякое растение можно перенести в комнату. У нас были редчайшие экземпляры пальм, высотой в четырнадцать метров, весом в две — три тонны. Они жили более полутора лет в большой пальмовой оранжерее, где было жарко и влажно, как на их родине под тропиками. Когда приходилось пересаживать такую пальму-великана в новую кадку, растение поднимали на блоках...

Но все же нам удалось сохранить часть наших прекрасных растений.

Во время блокады мы — садоводы — превратились в огородников. Вместо нарциссов, тюльпанов, левкоев, георгинов мы стали выращивать миллионы овощной рассады, сажали морковь, свеклу, репу, редис, — все, что нужно было ленинградцам. Обучали ленинградцев ухаживать за овощами, снабжали их огородными семенами.

Мы занимались огородничеством, но не забывали, что мы — садоводы. Мы знали, что настанет день, когда мы должны будем восстанавливать сады, цветники и парки Ленинграда. До войны мы получали вечнозеленые декоративные растения и цветочные семена из южных питомников, а теперь надо было обзаводиться своими, сделаться как бы фабрикой цветов и растений.

Готовиться мы стали заранее, чтобы не быть застигнутыми врасплох. В одном Таврическом садоводстве мы починили уже двенадцать оранжерей — это значит, мы можем здесь вырастить в течение

года около двухсот тысяч цветов. Наши оранжереи никогда не пустуют. Зимой, например, выращиваются гортензии, ранней весной — левкой, к осени их сменяют хризантемы. Кроме того, миллионы цветов в теплое время года вырастают на открытых грядках.

Но цветов должно быть не только много, они должны быть хорошие. Есть такой цветок — левкой. У него прекрасный запах, и вы наверное сами видели красные, лиловые, белые левкой. А нам удалось вырастить особый сорт левкоев — телесного цвета. Мы несколько лет отбирали семена подходящих оттенков, и, наконец, вывели новый сорт. Левкой телесного цвета растут теперь не только в оранжереях, но и на клумбах цветников. Кроме этих левкоев мы ввели новые культуры, — такие, которых в Ленинграде не знали: индийскую сирень, сирийскую розу и другие.

Но мало ввести новый сорт цветов. Следует еще совершенствовать, улучшать обычные сорта. Приведу один пример. У левкоев на одном кустарнике бывают разные цветы; обычные — в четыре лепестка — и махровые, пышные со множеством (до четырех — пяти десятков) лепестков. Но вот беда! Обычные цветы левкой дают семена, а махровые не дают. Как же получить много махровых левкоев, они, ведь, красивее обычных? Нам удалось подметить вот что: например, если семена левкоев продержать года два — три и потом высеять, они дают больше махровых цветов, чем сразу высеянные. Или же, если выращивать растение в засушливых условиях, то их семена дадут больше красивых, пышных махровых цветов. Вот ряд таких наблюдений и помог нам создать сорта левкоев, у которых девять десятых всех цветов махровые.

Восстанавливать „зеленое хозяйство“ Ленинграда — это большая и увлекательная работа.

Представьте себе, вы идете по центру города и в то же время вы находитесь в саду. Ни пыли, ни шума, тенистые аллеи. Ваш взгляд ласкают прелестные краски причудливых узоров цветов, от них исходит чудесный аромат... И это совсем не утопия, не игра фантазии...

Наши городские архитекторы уже разработали проект такого центрального городского парка.

Этот парк-гигант соединит парк Ленина, сад Нардома, Зоологический сад, питомники на проспекте Добролюбова, Петровский остров в единый зеленый массив, который сольется с Крестовским и Кировскими островами.

Не следует думать, что работа по озеленению города — дело одних только специалистов-садоводов. Мы знаем множество людей, которые свои часы отдыха отдают работе в саду. Таким страстным садоводом был, например, академик Иван Петрович Павлов. В своей городской квартире он заранее сажал в ящиках всевозможные цветы: душистый горошек, гвоздику, резеду, анютины глазки и обязательно — свой самый любимый цветок — левкой. Когда семена всходили и показывались листочки, Иван Петрович рассаживал растение более просторно. В апреле, собрав свои ящики с цветами, он отправлялся в Силламяги, вскапывал клумбы и переселял на них своих цветочных воспитанников.

Как было бы приятно и полезно, если бы около своих школ сами школьники разбили клумбы, насадили цветы, кустарники, деревья!

Записала Н. Владимирская

КРУГОВОРОТ

Тускнеют звезды над землей,
И скрылся месяц молодой.
Уже заря недалека,
Восток оделся цветом роз,
Рожок раздался пастуха,
Идут стада овец и коз.
Уже звенит в полях коса,
Лошадок гонят молодых;
Плывет туман, блестит роса
На незабудках голубых,
Вот стаи птиц — за кругом круг —
Летают над полями,
И овцы, отгоняя мух,
Жуют, кося глазами.
А солнца жгучие лучи
Повсюду проникают,
И лишь подземные ключи
Их нежности не знают.

Уступая полдневному зною
Все кругом засыпает. Порою
Только ветер промчится по ржи
И качнет васильки у межи.
Но спадает и солнечный жар,
Уж пылает в пол-неба пожар,
На земле удлинняются тени.
И тиха и светла плавно всходит луна.
С лунным светом играет в пятнашки волна.
В темном воздухе запах сирени.

Синий сумрак все гуще, темны небеса.
Все как-будто лежит под вуалем густым.
То сверкнет в лунном свете на листьях роса,
То рассыплется бисером вдруг золотым.
Лишь во тьме над водой
Прорезают порой
Эту глушь, эту тишь крики птицы ночной.
Скоро месяц зайдет.
Каждый день, каждый год
Неизменный свершается круговорот.

Ира Зенькович

Литрूपта Дворца Пионеров.

КОСТЁР

Для каких бы целей вы ни разводили костер, прежде всего очистите место от веток, сухой травы и хвои, чтобы не загорелся лес. Затем заготовьте сухих дров, бересты и мелких сухих щепочек. Надо уметь разжигать костер одной спичкой. Для этого очистите сосновую веточку и один ее конец настругайте в виде ежика. Такую палочку называют индейской. Приготовьте несколько штук палочек.

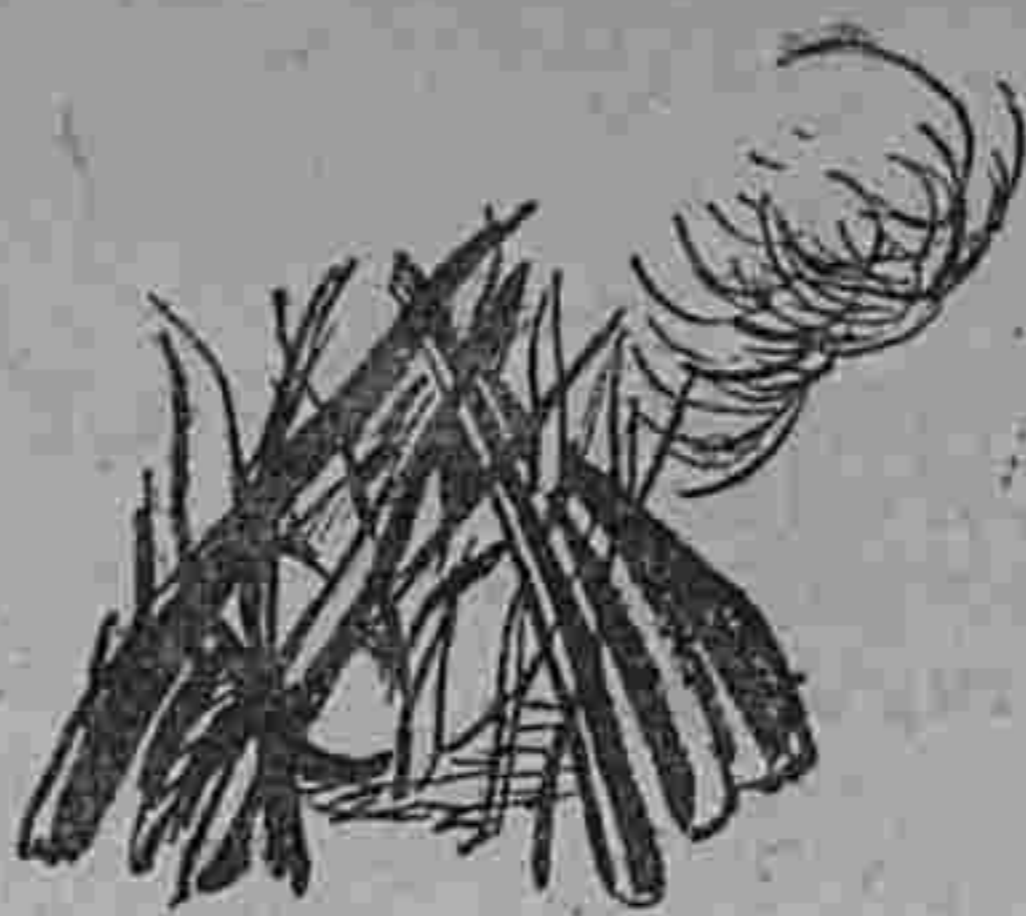
Положите на место костра бересты, несколько зажигальных палочек и сверху сухих щепочек, составленных в виде пирамиды.

Станьте спиной к ветру и зажгите сначала индейские палочки, бересту со щепками. Когда дерево загорится, накладывайте пирамидкой более толстые сучки.

Если надо, чтобы костер давал высокое пламя, например для варки пищи, сложите дрова, бересту пирамидкой.

Хотите получить низкое, широкое пламя, — разложите кругом мелких крупные поленья „шалашом“ или „колодцем“.

Ночью удобно развести звездный костер, — топливо уложено в виде звезды. Каждый конец звезды — толстые поленья. Такой костер будет гореть всю ночь, если

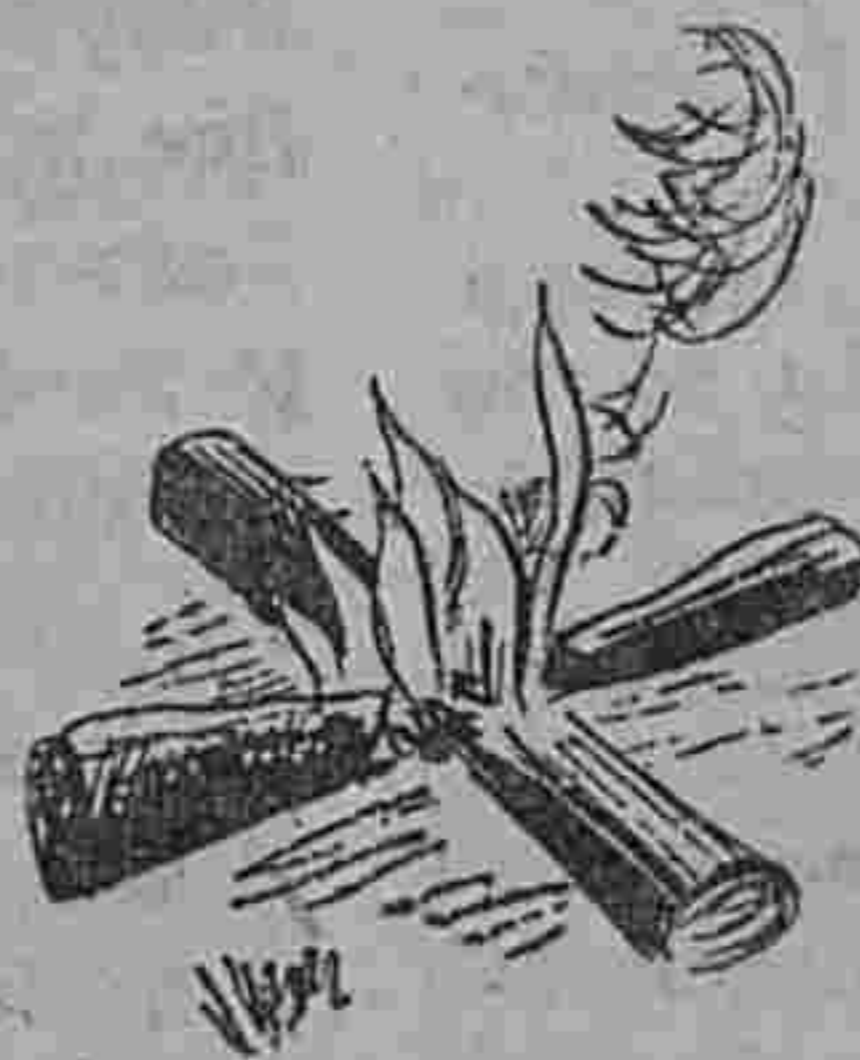

вы изредка будете пододвигать бревна к середине.

Долго горит костер „таежный“. Он сложен из положенных друг на друга крупных бревен и дает много углей. Этот костер хорош, когда надо просушить одежду и обогреться самому.

Хорошо обогревает костер — „американский камин“. В землю вбивают два толстых кола наклонном в одну сторону. К ним присоединяют стенкой положенные друг на друга толстые поленья. Располагают стенку так, чтобы на нее дул ветер; перед стенкой разводят огонь и с трех сторон обкладывают его крупными поленьями. Получается настоящий камин, у которого удобно греться.

Можно соорудить костер „полинезийский“. Для такого костра

В ЛЕСУ

вырывают яму, обкладывают ее стенки поленьями, а на дне разводят огонь. Полинезийский костер под навесом прекрасно горит в дождь и ненастье.

Лучшие дрова для костра — березовые, ольховые, сосновые и еловые. Осина, лиственница, рябина, черемуха дают мало жару. От свежей хвои подымается густой дым: Если ваш костер служит для сигнализации, — подбросьте хвою. Но будьте осторожны: сухая хвоя дает много искр, от которых могут загореться вещи и деревья.

Если вы загасили костер на ночь и собираетесь утром снова его развести, засыпьте уголья золою. Утром они будут еще тлеть и вы легко раздуете огонь, подложив сухих щепочек.

В лесу надо уметь предохранить спички от сырости. Сделайте портмоне или конверт из бересты и в нем храните спички. Береста не пропускает воду и спички останутся сухими. Отправляясь в поход, полезно обмокнуть каждую спичку в расплавленный воск или парафин. Когда спички просохнут, сложите их в железную гильзу или небольшую баночку с толстыми стенками и закупорьте пробкой.

МОЖНО ЛИ ТОЧНО ВЗВЕСИТЬ ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ

На первый взгляд кажется невероятным, что при любом измерении обязательно должна быть ошибка. Однако это так. Ошибки происходят от несовершенства инструментов и самого человеческого глаза.

И оказывается, что неточность в измерениях громадных и самых крошечных предметов больше чем при измерении „средних“.

Линейный корабль является, пожалуй, самым крупным предметом, который ученые могут взвесить довольно точно. Мы сказали „довольно точно“ потому, что неизбежная ошибка в этом случае оказывается равной грузоподъемности одного большого железнодорожного вагона! Если инженеры построили линейный корабль водоизмещением (весом) в пятьдесят две тысячи тонн, то это значит, что корабль на самом деле может весить пятьдесят или пятьдесят две тысячи тонн, а может быть только пятьдесят одну тысячу девятьсот сорок восемь тонн. И определить, которая из указанных цифр ближе всего к истине, не удастся ни одному академику. И это потому, что линей-

ный корабль нельзя взвесить с большей точностью чем 1:1000 (величина ошибки в измерении — одна тысячная доля веса корабля).

Перейдем к обыкновенным для нас вещам. Взвешивание предмета весом в один килограмм может быть достигнуто с точностью до 1:1 000 000 000. Иными словами, предмет „средней“ величины удастся взвесить в миллион раз точнее, чем гигантский.

Теперь попробуем представить себе мельчайший живой организм — микроб, который в 1 000 000 000 000 000 000 000 000 раз легче крупнейшего на земном шаре животного — гренландского кита. Но электрон — невидимая глазом в любой сверхмикроскоп частичка материи — еще во много раз меньше микроба. Так вот этот электрон возможно измерить с точностью не более 1:100 (ошибка — одна сотая доля предмета).

Протон — самая мельчайшая частичка, которую только смогли обнаружить ученые, — может быть измерен с ошибкой 1:10 (ошибка равна одной десятой доле самого протона).

Гремячая Башня

Елена Катерли

Рис. Н. Петровой

Глава X ЛЮТОВО*)

Из дома ребята выехали на рассвете. Митька косой отправил их в Лютово сдавать немцам собранные у крестьян молоко и сметану. Он выдал ребятам бумажки, в которых было написано, что они направляются на сдаточный пункт.

— Смотрите у меня! — грозил он. — Чтобы все в целости доставить! У меня в квитанции точно все обозначено!

Ребята ехали лесом весь день и всю ночь. Трудная это была дорога, — осенние дожди размыли, затопили ее. В топких местах приходилось отпрягать лошадь от одной подводы и сперва, на двух лошадях, перетаскивать одну телегу, а потом таким же способом, — вторую. Несколько раз даже пара лошадей не могла вытащить увязнувшую в грязи телегу и тогда мальчики перетаскивали на руках тяжелые бидоны.

Не страх перед Митькой косым, нет, — совсем другое заставляло их, преодолевая все, стремиться в Лютово. Вместе с молоком они везли партизанские газеты, напечатанные в Гремячей башне. В непромокаемых надувных подушках газеты были спрятаны на дне двух самых больших бидонов с молоком.

В дороге Сережка-инженер два раза вытаскивал из бидонов подушки и проверял, не просочилось ли в них молоко. Газеты были совершенно невредимы и он с гордостью поглядывал на Виктора и Петьку: Что?... здорово придумал?

Первого немца ребята встретили на мосту около Лютова. Худой, одетый в яркозеленую шинель и новые валенки с галошами, он стоял около пулемета, который, как жаба, присевшая на задние лапы, повернул свою морду в сторону дороги.

Услышав стук телег, выехавших из леса, немец бросился к пулемету и закричал резким голосом: — Хальт! Хенде хох! Слезайте с коляска! Идет сюда поодиночка!

Ребята остановили телеги и растерянно смотрели друг на друга.

— Поднимите руки, — быстро сказал Петька, — и стойте около телег. Я первым пойду...

Он поднял руки и, спрыгнув с телеги, решительно пошел вперед. Немец выпрямился и, прижав к животу коротенький автомат, уставился на Петьку. Маленькие глазки немца ощупывали мальчика с ног до головы.

— Зачем едешь? — спросил он. — Пропуск?

— Молоко везу сдавать, — добродушно ответил Петька. — Молоко, мильх... Пропуск — в кармане.

Он повернулся к немцу боком, подставляя ему карман куртки. Немец вытащил пропуск и пробежал его глазами.

— Гут! — пробормотал он. — Пускай теперь идет еще эйн мальчик.

С бьющимся сердцем вступил на мост Виктор. Вот он, настоящий, живой немец, фашист такой же, как тот, что избил и увел Харитишу, ранил бабушку, обстрелял ребят, разбомбил школу. Такой же, как тысячи других немцев, напавших на Советский Союз и убивающих русских людей. Виктор, поровнявшись с фашистом, сказал по-немецки:

— Пропуск лежит у меня в кармане.

Немец, заулыбался, показав желтые зубы:

— Ты знаешь немецкий? О, ты умный, грамотный мальчик. Можешь опустить руки и сам подать мне пропуск.

Виктор машинально протянул немцу пропуск и вдруг почувствовал, как горячая краска залила его щеки. Зачем он заговорил с этим фашистом на немецком языке?

Немец, вернув Виктору пропуск, спросил, что они еще везут, кроме молока.

— Может быть у вас есть яйца и сало? — облизнулся он. — Я очень люблю русское сало.

Он говорил, обращаясь к Виктору, но Виктор насупился и опустил глаза.

— Я не понимаю... — пробормотал он. — Ферштее ниht...

— О!.. — разочарованно протянул немец. — Ты не знаешь другое слово? Сало, сало, шпик — есть? Яйки — есть?

— Нет у нас сала, — ответил Петька, опуская руки. — Молоко есть и сметана. Ну, пропускай нас, что ли...

Немец махнул рукой, и все еще сидевший на телеге Сережка дернул вожжи, и подводы въехали на мост.

— Хальт! — шагнул немец к телегам. — Обыск!

Он перевернул сено, которым были окутаны бидоны, заглянул зачем-то под телегу, развязал торбочку, в которой был насыпан овес лошадям на дорогу. Потом открыл бидон и заглянул туда.

Вот он захлопнул один бидон и поднял крышку другого, вот тянется к маленькому со сметаной, сейчас он возьмется за тот самый, на дне которого лежат газеты. Вдруг он заметит что-нибудь подозрительное?

Но немец, открыв бидон со сметаной, радостно улыбнулся, сунул в сметану палец и облизал его.

*) См. в «Костре» № 1, 2, 3, 4—5 1944 г.

— Карашо! — заявил он, прищурился глазами. — Я буду пробовать...

Он зачерпнул густую сметану горстью и принялся слизывать ее с ладони и с пальцев. Он перепачкал шинель, лицо и, съев то, что было на ладони, снова зачерпнул целую горсть.

— Вот свинья! — прошептал Петька. — Ведь с нас по весу спросят...

Немец, возможно, долго пробовал бы сметану, но вдали послышался треск. Через мгновение на шоссе появился мотоцикл. На нем, пригнувшись к рулю, ехал немец в мундире с нашивками, — должно быть офицер. Солдат, охранявший мост, быстро вытер руку и лицо полую шинели, и махнул, разрешая ребятам ехать дальше. Немец с нашивками промчался мимо, даже не взглянув на ребят, и они въехали на первую, окраинную улицу Лютова...

Как изменилось Лютово с тех пор, как были здесь мальчики! Веселые, похожие на маленькие дачки, домики окраины были сожжены. На их месте торчали черные, обуглившиеся развалины и кирпичные печки. На столбе, вкопанном около этих развалин, висела доска с надписью:

— Выезд из города воспрещен. За нарушение — расстрел.

Дома казались брошенными и пустыми. Разломанные заборы и палисадники, сорванные крыши и голые, не покрытые железом стропила и балки торчали сиротливо, как ветки из разоренного гнезда.

Ни одного человека не было видно на улицах. Пустынный, точно вымерший, разоренный город встречал ребят злобной, мертвой тишиной.

Притихшие шагали ребята около своих телег и с тревогой смотрели по сторонам. Митька косою сказал им, что сдаточный пункт находится около дома, где раньше была почта.

— Если приедете вечером, — наказал он, — отправляйтесь в комендатуру — там будете ночевать. Сами не явитесь, — вас патруль приведет. Ходить по улицам после шести часов запрещено.

Сколько могло быть времени, ребята не знали. Вечерний сумрак уже спускался на землю, а на небе выступили первые, бледные звезды. Мальчики понукали уставших лошадей, торопясь к сдаточному пункту. Они должны были там сдать не только молоко — вместе с молоком приемщик должен был забрать у мальчиков и газеты. Это был знакомый Настасьи Павловны, — человек, тайно помогавший партизанам.

— А вдруг он уже не работает на пункте? — внезапно забеспокоился Виктор. — Что же мы тогда будем делать?

— Что, что... — проворчал Петька. — Сами тогда разбрасываем и все. Бидоны нам не надо сдавать — сольем молоко осторожно, а ночью газеты разбрасываем. Вон патруль идет, — сейчас нас остановят...

По пустынной улице, действительно, шагали три немецких солдата в железных касках, с автоматами в руках, с большими пистолетами в деревянной кобуре у пояса.

Ребята невольно прижались к лошади. Виктор даже положил руку на ее теплый, шершавый бок. Лошадь шла и шла себе спокойно, не обращая никакого внимания на немцев, и рядом с ней ребята чувствовали себя как-то уверенней и смелей.

Поровнявшись с подводой, немцы остановились.

Один из них, направив на мальчика автомат, спросил по-русски: документ есть?

Петька подбежал к немцам и, сняв шапку, забормотал каким-то глупым тоненьким голосом:

— Вот документ, дяденьки, молочко мы везем для германской армии, молочко свеженькое, густое, сладкое...

Он скинул шапку и кланялся немцам, пока те смотрели пропуск. Немец взглянул на Петьку, на его, ставшее вдруг глупым, лицо, вернул ему пропуск и сказал:

— Может ехать. Быстро ехать, потому что скоро конец день!

Петька низко поклонился немцам и подбежал к подводой, а они зашагали дальше.

— Чего ты перед ними лебезил? — спросил Сережка, когда подводой отъехали от немцев. — Шапку снял, в пояс кланялся... Кто это тебе велел таким гнусам деревянным кланяться?

— Эва, ты несмышленный какой, — недовольно ответил Петька. — А что было бы хорошего, если бы я их разозлил? Стали бы по бидонам шарить, могли газеты найти, и нам — каюк и газеты пропали! А так: видят, что деревенский, смиренный дурачок молоко везет.

— Петька правильно сделал, — горячо вступился за друга Виктор. — Хитрость — это тоже оружие.

Подводой уже приближались к главным улицам, а мальчики еще не встретили ни одного жителя. Все кругом было враждебное и чужое: на углах улиц висели вывески с немецкими названиями, тут и там виднелась колючая проволока, намотанная на заборы. Около городского сада стояла виселица, с ее перекладины спускался оборванный конец веревки. Как страшно! Петька вдруг стегнул кнутом замученных лошадей, только бы скорей проехать!

Наконец они увидели высокий забор с плотно закрытыми воротами, над которыми была прибита большая вывеска, написанная по-русски, но по старому правописанию, с ятями и твердыми знаками.

„Лютовский уездный пункт сдачи молочных продуктов.“

Около ворот стоял немецкий часовой в каске, а за забором виднелся небольшой домик с крепкими ставнями на окнах.

— Вот и приехали! — с облегчением сказал Петька. — Только бы приемщик тот самый оказался!

Мальчики сняли шапки и, тщательно обтерев лапти соломой, брошенной у крыльца, вошли в домик. В большой комнате, разделенной узким, длинным прилавком, их встретил человек в белой куртке. Лицо у человека было худое и усталое, а глаза прятались за толстыми стеклами очков.

В комнате никого больше не было. Петька шагнул к прилавку и сказал негромко:

— Здравствуйте, товарищ Овечкин. Привет вам из Гремячей башни!

Овечкин вздрогнул и с тревогой взглянул на окно и на дверь. Но окна плотно закрывали двойные рамы, а дверь за собой ребята крепко захлопнули. Приемщик, перегнувшись через прилавок, внимательно посмотрел на мальчиков. Вдруг он тихонько ахнул, радостно заулыбался и протянул Петьке руку.

— Здравствуй, Петя. Здравствуй Сережа-инженер. Это что за мальчик?

— Это Витя, Екатерины Ивановны внук.

— Ну, здравствуй, Витя! Что вы так поздно приехали? Как добрались? Что привезли?

Он пожимал мальчикам руки, и глаза его сияли радостью и добротой.

— Мы не только молоко привезли, — чуть слышно сказал Петя. — Газеты еще привезли, партизанские. В бидонах с молоком.

— В бидонах? Бидоны с двойным дном разве? Сережка с гордостью рассказывал про надувные подушки, и Овечкин, торопясь и оглядываясь

на дверь, начал переливать молоко в огромные бидоны, стоявшие около прилавка. Он быстро вытащил подушки, с которых струйками стекало молоко и, развязав шнурок, ошупал газеты.

— Сухие, — сказал он. — Ну и молодцы вы, ребята! Какое счастье почитать советскую газету. Точно письмо с родины получить!

Овечкин торопился с приемкой молока, чтобы отпустить ребят.

— Вы заночуйте где-нибудь в лесу, — говорил Овечкин, сливая сметану. — Немцы боятся в лес соваться, им за каждым деревом партизаны чуются.

Он рассказал ребятам, что недавно партизаны перебили целый карательный отряд немцев и теперь немцы ездят только по шоссе, не сворачивая на лесные дороги.

— Вам партизаны не страшны — вы глубже в лес забирайтесь, отдыхайте там. А из города выезжайте как можно скорей...

В это время на крылечке раздался топот и в комнату вошел высокий, толстый немец.

— Чей лошадь на дворе? — заорал он. — Конец дня — запирайт пункт. А мальчишка — марш, в комендатуру!

С грустью взглянув на усталых некормленных лошадей, ребята вышли со двора сдаточного пункта. На небе появилась луна, и темные пятна теней лежали около каждого дома. Немец, подталкивая их в спину рукояткой пистолета, продолжал ворчать и ругаться.

Комендатура оказалась совсем близко. Она помещалась в бывшем Доме колхозника — одноэтаж-

ном каменном здании, рядом с которым стояли каменные же конюшни. Немец, не заходя в дом, направился к конюшне. Сказав что-то часовому, он отодвинул засов, втолкнул ребят в темноту и захлопнул за ними дверь. Потом заскрежетал тяжелый засов, протопали, удаляясь, шаги, и все кругом стихло.

Ребята стояли около двери, не решаясь сделать шага вперед. В конюшне было совсем темно и только сквозь узенькое, решетчатое оконце под потолком виднелось небо и несколько далеких, маленьких звезд.

Толстая дверь отделяла ребят от всего мира. Никто не мог помочь. Городище, Гремячая башня, бабушка, Николай Николаевич остались там, далеко. Даже Овечкин — единственный знакомый им здесь человек — не смог бы притти на помощь.

Когда глаза привыкли немножко к темноте, мальчики увидели, что в конюшне совсем пусто. Стойла для лошадей сняты, около стен лежит немного соломы, а под окном чуть поблескивает лужа воды.

— Вот и переночевали в лесу! — прошептал Петька. — Попались, как зайцы в капкан...

Он пошарил ногой по полу и шагнул к стенке.

— Тут сухо, ребята, и солома есть. Давайте сядем.

Виктор и Сережа пошли на его голос и опустились рядом на солому.

— А ты думаешь, — немцы выпустят нас отсюда? — спросил Сережа.

— Что им за корысть нас держать? — уверенно ответил Петька. — Отправили сюда на ночевку за то, что в неположенное время приехали, а завтра выпустят. — А не выпустят, — сами убежим.

Петька замолчал и зашуршал соломой, усаживаясь поудобней. Было холодно и сыро, пахло плесенью и какой-то гнилью. Тишину изредка нарушали шаги часового да похрустывание тонкого ледка, затянувшего лужи. Луна поднялась выше, и ее голубоватый луч проник в оконце под потолком.

— Не бойтесь, ребята, выберемся отсюда, а сейчас поужинаем, — сказал Петька. — Хлеб есть, соль есть, да три огурца. — Он вытащил из-за пазухи узелок и положил его на солому.

Вдруг в дальнем углу сарая зашелестела солома и раздался какой-то тихий звук: не то вздох, не то стон.

— Тише ты! — прошептал Сережка-инженер, вцепившись пальцами в руку Виктора. — Тише.

— Кто там? — дрогнувшим голосом спросил, наконец, Петька. — Кто это?

— Хлеба дайте... кусочек... помираю... — донеслось из темноты.

От этого голоса, такого слабого и глухого, у ребят мурашки побежали по коже. Они тесней прижались друг к другу. Голос умолк и только слабое дыхание и шелест доносились теперь из угла.

— Надо пойти туда, ребята, — прошептал Виктор. — Должно быть, немцы заперли кого-то и голодом уморить хотят...

Мальчики осторожно, стараясь не шуметь, двинулись в противоположный конец конюшни, чуть освещенный спокойным лунным светом.

Там, прислонившись к стене, стоял какой-то невысокий человек. Очертание его сгорбленной фигуры в каких-то жалких лохмотьях было так знакомо. Мальчики остановились на полпути. Лица человека рассмотреть было нельзя, — оно казалось совсем черным и только белки глаз, как два пятнышка, светились на нем.

— Харитоша! — вскрикнул вдруг Виктор. — Харитоша! Неужели это ты?

В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Харитоша попятился, качнулся и чуть не упал. В испуге он протянул вперед руки, точно защищаясь. Потом, когда друзья окружили его, и Петька, приблизив свое лицо к нему, зашептал:— Это мы, Харитоша! Свои! Городищенские! — Харитоша, словно очнувшись, вдруг заплакал и, как мешок, повалился на солону.

Харитоша так ослабел от голода, что почти не мог говорить. Жадно съев огурцы и хлеб, он сразу уснул, не выпуская из своих тоненьких пальцев руку Сережки-инженера. Засыпая, он прошептал, едва шевеля губами:

— Я никого не выдал...

Мальчики сидели, боясь пошевелиться. Они совсем не думали о том, что будет завтра, как поступят с ними немцы. Их заботило другое: как спасти, как выволить отсюда Харитошу.

Только под утро, когда в сарае посветлело, они рассмотрели, что лицо Харитоши стало маленьким и заостренным, волосы сбились, как войлок, глубокие ссадины покрывали шею, лоб, щеки.

Время шло, а ребята так и не могли ничего придумать. Петька внимательно осмотрел конюшню, надеясь найти какую-нибудь лазейку. Но кирпичные стены были прочны, а решетка окна была еще переплетена колючей проволокой. Тюрьма!

— Не убежать отсюда, — сказал он, садясь опять около Харитоши.

Виктор бросил быстрый взгляд на Харитошу: „не услышал ли?“ Но Харитоша крепко спал, прикрытый тулупчиком Петьки. Во сне он стонал и вздрагивал.

— Петя, — прошептал Виктор, — неужели мы его тут оставим, если нас самих выпустят?

— В кармане его ведь не вынесешь, — хмуро ответил Петька.

— Тогда я тоже здесь останусь! — вдруг вскрипел Виктор. — Останусь, а Харитошу так не брошу.

— Эва, придумал! — усмехнулся Петька. — То немцы одного его били, то двоих вас будут лупить. Нет, надо всем удирать. А вот как, — сам не знаю.

Петька вскочил, подошел к двери и прижался лицом к узенькой щелке между досками. На дворе послышались шаги. Через мгновение как раз против двери остановился немецкий солдат с автоматом. Он что-то крикнул хриплым недовольным голосом, и от конюшни к нему подбежал часовой.

— Смена караула! — прошептал Петька, повернувшись к товарищам. — Вот что, ребята, когда немцы придут нас выпускать, попробуем выйти все четверо. Часовой сменился, он наверно не знает, сколько нас тут было, а про Харитона может и забыли даже. Ну, а не выйдет, тогда вместо Харитона останусь я.

— Почему ты? — обиделся Виктор. — Я первый придумал.

— Да ну тебя! — сердито отмахнулся Петька. — Я постарше и посильнее тебя. Не пропаду!

Петька нагнулся над Харитошей и тихонько потряс его за плечо:

— Харитон, домой пора собираться! Просыпайся...

— Домой? Как домой? — вздрогнул Харитоша, открывая глаза. — Разве меня отпустили?

Петька, обернувшись к Виктору и Сережке-инженеру, предостерегающе поднес палец к губам: „молчите“.

— Если я говорю, значит отпустили, — важно и уверенно продолжал Петька. — Только в таком виде нельзя по городу итти — сейчас мы тебя принарядим.

Он схватил платок, в который был завернут хлеб, намочил его в луже и подал Харитоше.

— Вытирай лицо. Хорошенько три, не жалея платка!

Харитоша неуверенно взял платок и начал вытирать лицо. Грязь отошла быстро. Но вот беда: царапины и ссадины еще ярче выступили на побелевшей коже.

— Хорошо теперь? — спросил он.

— Ну, не больно хорошо, — буркнул Петька. — Бери вот мою шапку, на уши натягивай.

Шапка была велика Харитоше. Она съехала ему до самых бровей. Петькин тулупчик прикрыл Харитошины лохмотья.

Ребята молча помогали Харитоше одеваться. С тревогой они посматривали на дверь. На улице стало совсем светло и каждую минуту могли открыть дверь.

— Ты итти-то сможешь? — спросил Петька, с сомнением глядя на изможденное лицо Харитоши. — Ты подбодрись, когда выходить будешь. А как дойдем до пункта, — на телегу тебя посадим. Дойдешь?

— Дойду, если не шибко итти. Вот, если так...

Харитоша сделал несколько шагов, но в это время за дверью послышались голоса, и Петька схватил его за край тулупчика.

— Господин комендант говорил, что запирает их только до утра, — убеждал кто-то часового. — Господин комендант велел мне утром притти занимать. У меня квитанции, что они сдали молоко и сметану.

Ребята узнали голос Овечкина. Часовой буркнул что-то в ответ.

Наконец, с грохотом упал засов. Сырой, холодный ветер ворвался в конюшню и, подхватив солому, закружил ее в воздухе. Немец с автоматом, в облепленной снегом плащ-палатке, накинутаю поверх каски на голову, шагнул в конюшню.

— Вон! — крикнул он. — Убирайтесь!

Ребята нерешительно двинулись к двери. Виктор схватил за руку Харитошу, сжал ее, чувствуя, как дрожит эта рука.

Петька пропустил товарищей вперед, наблюдая за немцем: заспанный часовой зевал.

Петька, подхватив под руку Харитошу, рванулся вперед, увлекая за собой товарищей. В это время порыв ветра загнул полу плащ-палатки, в которую кутался немец, и залепил ему лицо мокрым, крупным снегом. Ребята, волоча под руки Харитошу, бегом побежали к калитке.

За калиткой ждал Овечкин. Он с удивлением посмотрел на Харитошу и, молча повернувшись, зашагал к сдаточному пункту. Никто не гнался за ними. Часовой закрыл дверь конюшни и, встав под навес, раскуривал трубку, загораживая ее рукой от ветра.

Обе подводы стояли на улице, перед воротами пункта. На них были уложены пустые бидоны, горкой поднималась охапка свежего сена.

— Садитесь, — шепнул Овечкин. — Лошадей я накормил. Скорей уезжайте из города.

Он снова посмотрел на Харитошу. Бледное, изможденное, покрытое синяками и ссадинами лицо Харитоши без слов рассказывало его грустную историю. Он тяжело дышал, когда Виктор и Петька подсаживали его на телегу. Харитоша лег на охапку сена, рядом с бидонами. Сережка инженер сел на передок телеги и взял вожжи.

— Мне с вами ехать не придется, — зашептал Петька Виктору на ухо. — Возьми мой пропуск... Когда на мосту будут документы проверять, говори, что это — харитоновы. Скажи, что он животом заболел, — вот и лежит.

— А ты как же? — с тревогой спросил Виктор.

— Я тут на речке все мелкие места знаю, пройду бродом. А вы, как до волока доедете, — подждайте меня в кустах.

Он сунул Виктору свой пропуск, подошел к Овечкину и тихо заговорил с ним.

Подводы двинулись.

* * *

На мосту около Лютова немецкий часовой пересмотрел пропуска ребят, заглянул в бидоны, потыкал винтовкой сено и пропустил.

Вскоре Лютово осталось далеко позади. Подводы свернули с шоссе на мягкую лесную дорогу. Ребята, наконец, вздохнули с облегчением. Виктор даже запел какую-то песенку. Он спрыгнул, догнал первую подводу и сел рядом с Сережей. Харитоша, прислонившись к большому бидону, рассказывал о том, как его истязали немцы.

— Сперва все били, били, даже зубы повыволотили с этой стороны. Потом отступились, сказали, что в Германию пошлют, на работы. На вокзал пригнали, а я там упал, совсем ходить не мог. Тогда, вот, в тот сарай заперли... Там женщины с ребятами. Голодные все. Многие помирать начали. Потом пришли немцы, всех куда-то повели. А я итти не могу, упал...

— Долго ты в сарае сидел?

— Мне и не сообразить — долго ли? Мне все мерещилось. Дом, Катерина Ивановна... И будто вы со мной говорите... Я и сейчас еще все думаю: не сон ли?

— Не сон, не сон! — закричал Виктор. — Давай я тебя ущипну. Почувствуешь! Ну, что — больно?

— Больно! — с улыбкой ответил Харитоша.

Лошади рысцей бежали по лесной, узкой дороге. С хрустом разлетелся под колесами тонкий ледок.

— Прежде всего надо убить Митьку косоного, — говорил Сережа. — Набрать камней больших, да в лесу где-нибудь, с дерева, на него и сбросить.

— Нет, надо наверняка, — возражал Виктор, — через окошко в избу гранату бросить.

— Митьку косоного я все равно убью, — сказал Харитоша и лицо у него помрачнело. — Гранаты не будет, — руками задушу, избу его подожгу...

В лесу было тихо. Снег перестал идти и в просвете между облаками нет, нет и выглядывало солнце. Ребята, сморенные бессонной ночью и всем пережитым, задремали. Они не видели, как из густых, придорожных кустов сперва высунулось дуло винтовки, потом осторожно показалась чья-то голова в красноармейском шлеме. Высокий, бородатый мужчина, бесшумно раздвинув ветки, наблюдал за приближавшимися подводами.

Разглядев ребят, он повернулся и тихонько свистнул три раза по-птичьему. Сразу же в лесу послышался какой-то хруст, и к бородатому приблизились еще двое: женщина, повязанная теплым платком, и мужчина в низко надвинутой кепке с пуговкой.

— Ребятишки какие-то едут с бидонами, — тихо сказал бородатый. — Не наши ли возвращаются?

Все трое, спрятавшись в кустах, зорко смотрели на телеги.

— Наши! — вглядевшись, прошептала женщина, и лицо у нее побледнело от волнения. — С краю — Витюшка, а вожжи держит Сергей... А в середине... в середине... ох! Харитошенька мой, в середине!

Она хотела броситься на дорогу, но человек в кепке (это был Николай Николаевич) удержал ее за руку:

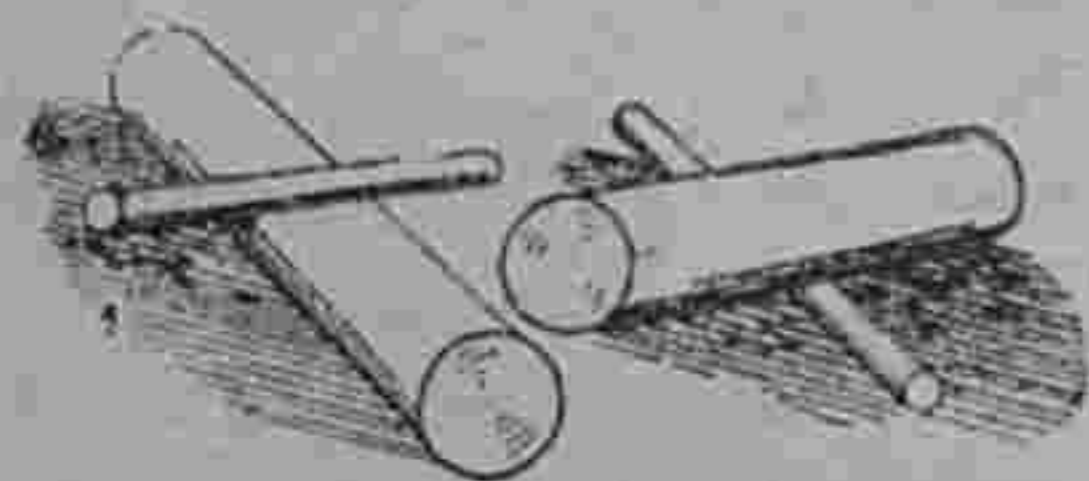
— Тсс... — сказал он. — Спокойно! Выходить на дорогу нельзя, — может быть следом немцы едут. Потерпи, Дарья, голубушка, еще немного.

— А моего Петьки нет, — тихо сказал Захар. — Что же это с ним случилось? Правда, он парень лихой...

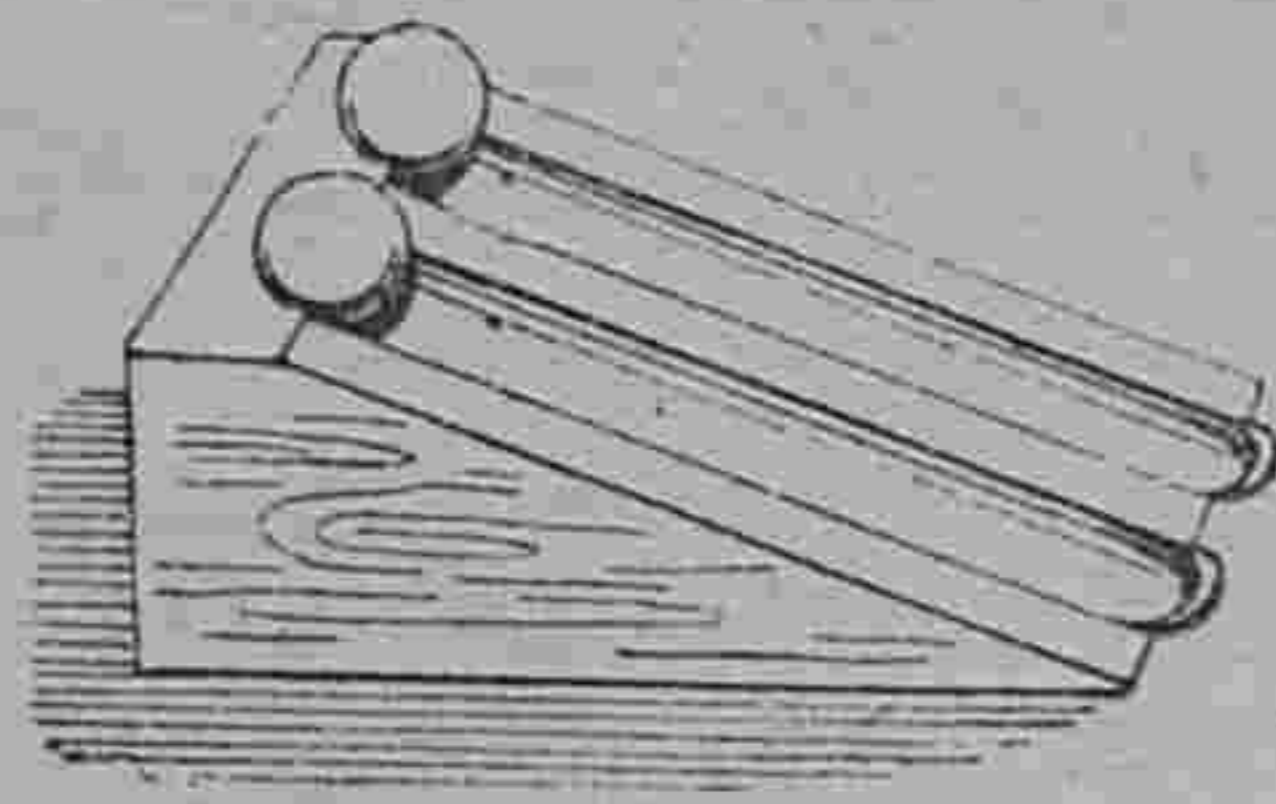
Телеги проехали мимо и начали спускаться к речке.

(Продолжение следует)

ПОДУМАЙ И ОТВЕТЬ

Которое из бревен (толстое или тонкое) легче уравновесить на другом: толстое на тонком или тонкое на толстом?

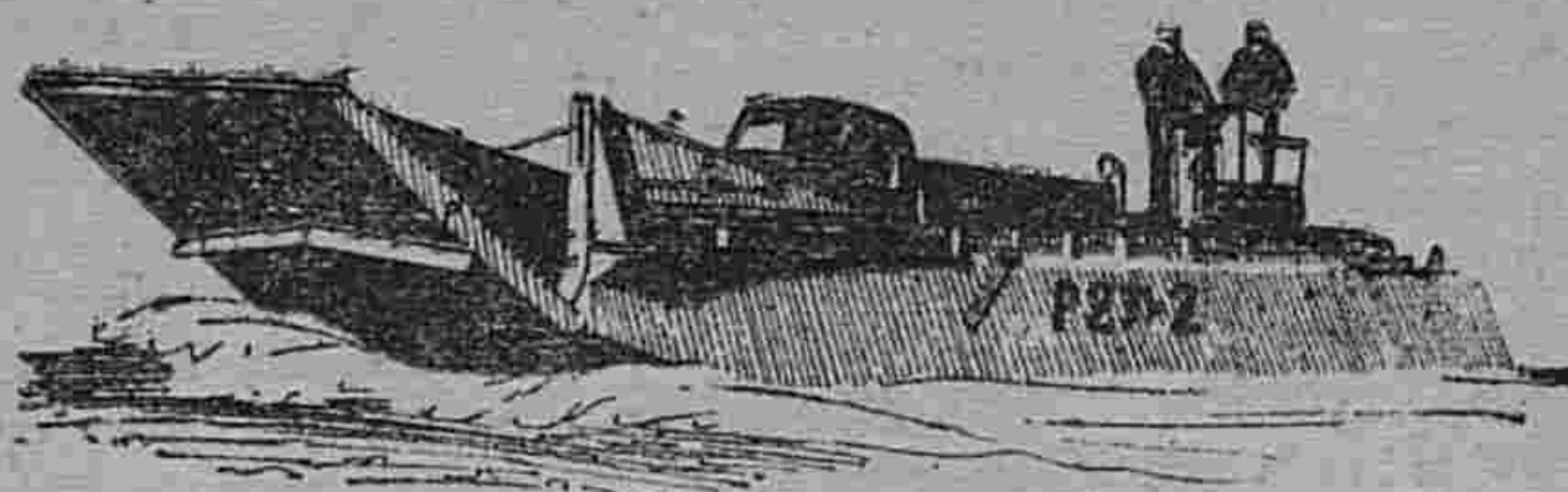
Оба шара имеют одинаковый вес и размер. Но один полый внутри, а другой — сплошной. Который шар скатится быстрее вниз?

В стакане с водой плавают кусочки льда. Где вода будет холоднее: у поверхности или у дна?

ДЕСАНТНЫЙ ФЛОТ СОЮЗНИКОВ

А. Антрушин

Штурмовой танконосец.

На рассвете 6 июня 1944 года началось вторжение англо-американских войск во Франции.

Сотни боевых судов — от линейных кораблей до эсминцев и сторожевых катеров — направлялись через Ла-Манш к побережью Европы. Они шли по проходам,

сечно-пулеметным огнем противника.

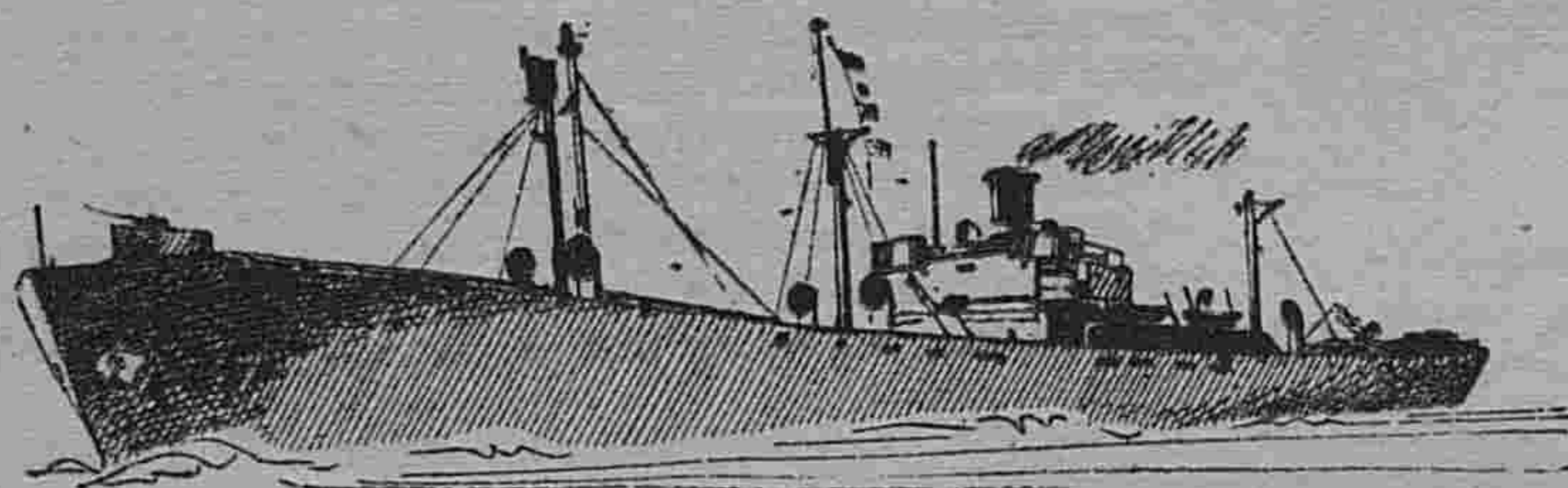
Под защитой мощного огня линейных кораблей и крейсеров грандиозный десантный флот благополучно приткнулся к отмелям, и высадка началась...

Так была проведена небывалая

Как и все плоскодонки, эти штурмовики могут ходить по мелководью, что очень удобно при высадке, — солдатам не надо шлепать по воде. Передняя стенка корпуса откидывается на петлях вперед и превращается в сходный трап.

„Бисквитные ящики“ своим собственным ходом пересекли неспокойный Ла-Манш шириной до ста пятидесяти километров. На тихой воде штурмовые десантные суда при двух моторах ходят раза в полтора быстрее трамвая. У них есть легкая броневая защита. Вооружение — пара пулеметов. Экипаж — три или четыре матроса. Три — четыре десятка солдат помещаются в трюме на скамейках.

На штурмовом танко-десантном судне — „барже вторжения“ — можно доставить один легкий танк или пару автомашин с грузом. На рисунке вверху страницы вы видите сходной помост, который вручную спускается в передней части крошечного танконосца-штурмовика.

„Свобода“.

проложенным тральщиками через минные поля противника. За этими кораблями следовали тысячи десантных судов. Союзные корабли обстреливали немецкие береговые батареи, уже испытавшие жестокую ночную бомбардировку с воздуха. Тучи бомбардировщиков, штурмовиков, планеров и истребителей с ревом пролетали в небе, обгоняя суда.

К семи часам утра артиллерийский огонь союзных кораблей достиг исключительной силы. Огромные клубы дыма, прорезаемые ослепительными вспышками пламени, поднимались со всей обстреливаемой зоны побережья.

В это время громадные транспортные десантные корабли остановились в нескольких километрах от берега и стали спускать на воду штурмовые десантные катера и шлюпки с войсками. Вскоре штурмовые суда двинулись к берегу вместе с механизированными десантными судами — танконосцами. Десантные суда поддержки, сопровождая штурмовые суда, отгоняли своим пу-

в истории войн морская десантная операция. И в этом вторжении через Ла-Манш главную роль сыграл морской флот — боевой, транспортный и десантный. Одних только десантных судов участвовало при высадке на побережье Франции около пятидесяти раз-

Английский средний танконосец.

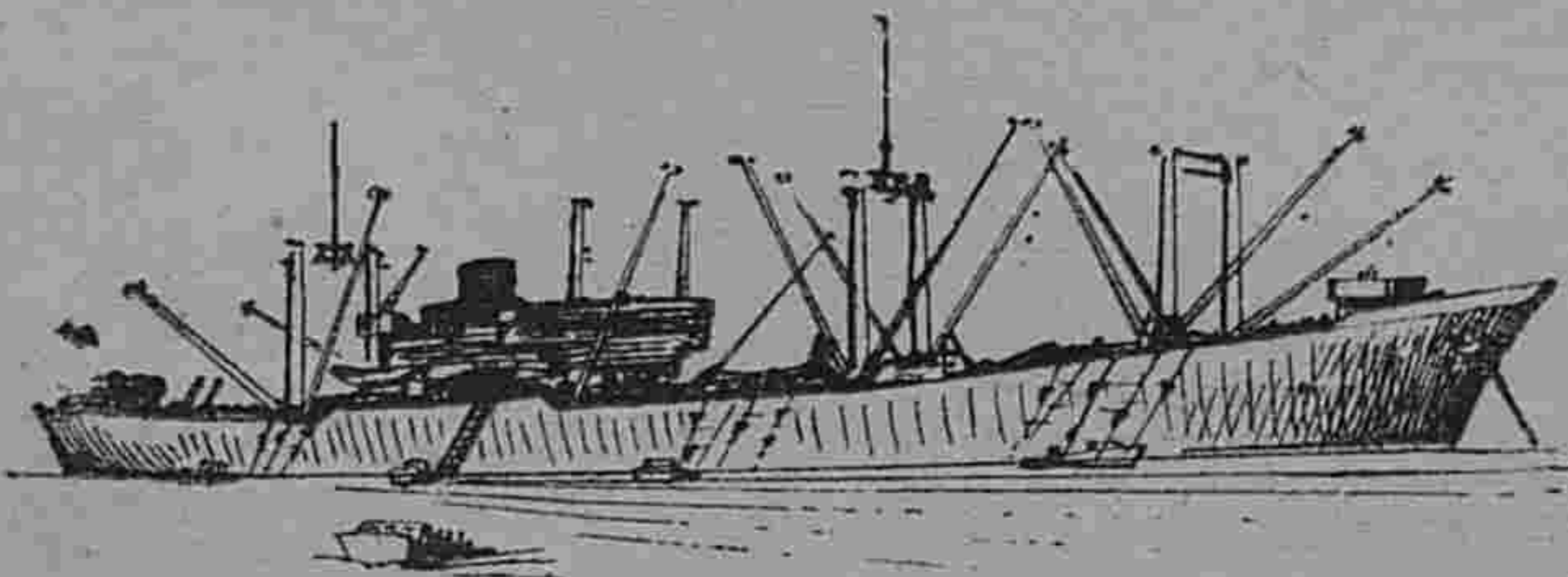
личных типов. Здесь мы расскажем о некоторых из них.

Баржа вторжения. Штурмовые десантные суда первыми устремляются к берегу. Эти маленькие суденышки размером с трамвайный вагон, кажутся очень неуклюжими. Солдаты называют их „ящиками для бисквитов“. И верно, сходство можно найти: плоское, прямоугольное днище и борта, вместо носа — наклонная стенка.

Морской гараж. В США на берегу реки Иллинойс, к югу от многомиллионного города Чикаго, возник во время войны гигантский судостроительный завод.

Девять тысяч рабочих и инженеров трудятся здесь, создавая новое грозное оружие войны, — крупнейшие в мире танконосцы. На странице 21 (наверху) изображен спуск одного из таких кораблей; река Иллинойс мелка, и поэтому готовый танконосец сваливают на воду боком.

Длина больших танконосцев водоизмещением в пять тысяч шестьсот тонн достигает ста метров. В трюме танконосца умещается несколько десятков средних танков, около тысячи солдат и много разного военного груза. В этом морском гараже танки и другие машины устанавливают рядами на рубчатом стальном

Штурмовые шлюпки отплывают от „Победы“.

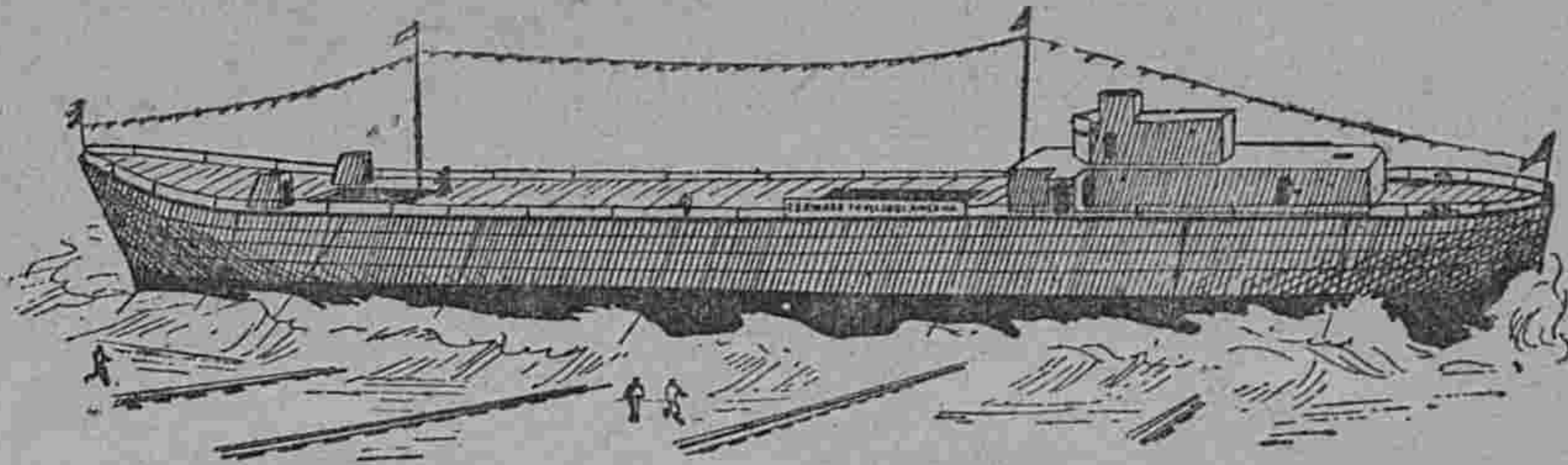
полу, чтобы во время качки машины не скользили.

Нос танконосца — это своеобразная лопата. Подходя к берегу, нос отваливается вперед и служит широким и прочным помостом, по которому танки устремляются вперед в полной боевой готовности для атаки. У больших и средних танконосцев двойной борт и двойное днище, переборки между стенками днища и бортов — все это предохраняет корабль от затопления при попадании снаряда или мины, при ударе о подводные камни.

Машинное отделение танконосца не в центре корабля, как обычно, а в корме.

Американские большие танконосцы, с грузом танков в трюмах, могут пройти своим ходом до двадцати тысяч километров (половину окружности земного шара).

Перед подходом к берегу с танконосца бросают тяжелый якорь в воду. Когда выгрузка танков окончена, судовая лебедка выбирает якорный канат и выскользивший на мель танконосец при по-

Спуск большого танконосца.

Но скорость „Свобод“ в двадцать два километра в час оказалась недостаточной. Тогда американцы начали строить более быстрое транспортные — „Победы“. На них перевозят войска, вооружение, боезапас, продовольствие. Эти суда имеют артиллерийское вооружение, чтобы защищаться от подводных лодок и бомбардировщиков. Одинаковой транспорт принимает груз, для перевозки которого по суше требуется четыре тяжеловесных поезда.

Океанские транспорты бросают якорь довольно далеко от берега и при помощи своих кранов и бор-

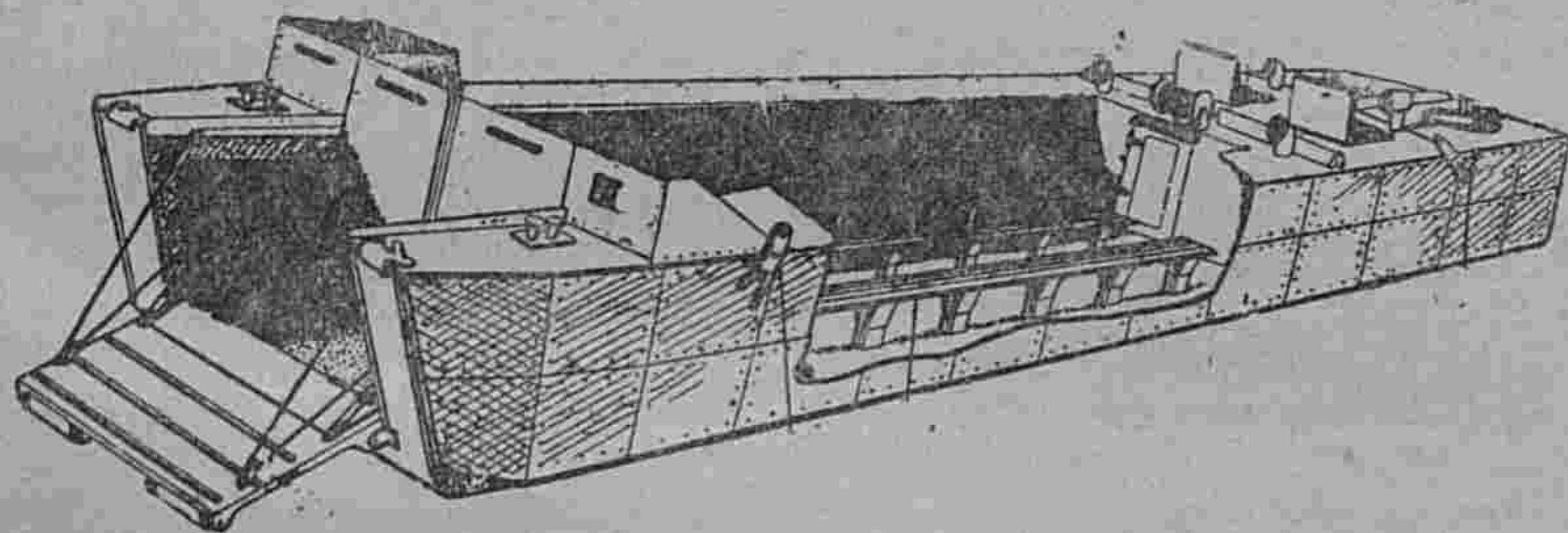
полном смысле этого слова. На воде он похож на тупоносую шлюпку, а на берегу — на весьма странный автомобиль. Это — самый крошечный представитель десантного флота — „Джип“. Он родной брат известного у нас американского автомобиля — „Виллис“, поворотливого и проворного. Отличается он от „Виллиса“ только тем, что имеет лодочный корпус со впадинами для колес, и закругленный нос, как у ванны. На корме у „Джипа“ есть запасное колесо и сигнальные огни.

„Джип“ — земноводный автомобиль-амфибия. Он хорошо плавает и быстро бежит по дорогам. Двадцать таких машин перебрасывают на берег и в глубь страны сразу сто разведчиков. Скатившись со сходного трапа высадочного судна прямо в воду, „Джипы“ мчатся к берегу при помощи лодочного гребного винта и руля. Стеклопанель защищает разведчиков от брызг при волне и ветре.

Все сидения в автомобиле — надувные резиновые подушки. Если экипажу придется выбраться из подбитой машины на глубокую воду, солдаты схватят эти надувные подушки и с ними поплывут к берегу.

Есть у „Джипа“ и старший брат, который известен под буквами DUKW. Это уже шестиколесная амфибия, вместимости втрое большей чем „Джип“. DUKW имеет даже броню; мотор его надежно защищен от пуль и снарядных осколков.

Мы рассказали об основных судах, участвующих в десантах. Кроме них есть у союзников еще тракторы и танки-амфибии, самоходные мотоботы на колесах и другие.

Баржа вторжения в разрезе.

моши своих машин сползает на глубокую воду.

Скорость морских бронетанковых гаражей около двадцати километров в час.

Кроме больших танконосцев, бывают малые и средние: на малых перевозятся четыре — пять танков, а на средних — от десяти до шестнадцати.

„Свободы“ и „Победы“. Когда началась война, немцы вздумали победить Англию подводной блокадой. Тогда американцы, не вступившие еще в войну, принялись усиленно строить грузовые пароходы. А чтобы строить быстрее, все заводы выпускали один и тот же тип океанского транспорта, который был назван „Свобода“.

Детали этих кораблей изготавливают на заводах всей страны. На верфях же их только собирают. Срок сборки всего пять суток. Пять таких транспортов спускают на воду американцы ежедневно.

товых трапов выгружают войска на штурмовые и высадочные десантные суда, которые и доставляют их на берег.

Пехотно-десантные суда. Через моря и проливы шириной в несколько сотен километров главные силы войск вторжения выгоднее перевозить на таких судах, которые способны подойти к самому берегу, подобно танконосцам. Эти суда, называемые пехотно-десантными, по своим размерам напоминают именно „морские гаражи“.

Но, вместо откидного носа — помоста — или лобовых двойных ворот, у пехотно-десантных судов выдвигаются и убираются по бортам сходные площадки. На этих судах много отвесных и наклонных трапов, которые опускаются с борта до самой воды. Поэтому высадка производится необычайно быстро — сорок человек в минуту.

„Плавающий Джип“. Его нельзя назвать десантным судном в

„Джип“.

МУДРАЯ НЕВЕСТКА

(Абхазская сказка)

Жил когда-то на свете владетельный князь. И был у него сын по имени Ахмат.

И вот, когда Ахмат вырос, а отец состарился, решил князь испытать своего сына и единственного наследника.

Однажды призвал он к себе Ахмата и сказал ему так:

— Сын мой, завтра на рассвете мы отправимся в дальний путь. Позаботься же, чтобы всё было готово для нашего отъезда.

— Хорошо, отец, — сказал Ахмат. — Всё будет сделано.

С вечера велел он слугам приготовить в дорогу еды, а сам еще до рассвета оседлал двух самых лучших коней и в назначенный час подвел их к крыльцу.

Отец осмотрел коней и остался доволен. Потом взглянул на сумку с чуреками и сыром и говорит:

— На что нам еда? Оставь ее, сын мой.

Ахмат не стал спорить с отцом и покорно отвязал сумку от седла.

Потом отец и сын вскочили на коней и тронулись в путь.

Долго ехали они. Солнце поднялось из-за гор — они ехали. Солнце ударило им в глаза —

они ехали. Солнце стало над головой — они всё ехали.

А куда ехали и зачем ехали — не знал Ахмат. И гор этих он никогда не видел и про ущелья эти никогда не слышал.

Наконец, доехали они до места, где дорога расходится вправо и влево. Остановил тут князь своего коня и говорит сыну:

— Ахмат, сын мой, голод мучает меня. Усталость сковала мое тело. Прошу тебя, утоли мой голод и сократи нашу дорогу.

Очень удивился сын таким словам.

— Как же я могу утолить твой голод? — говорит он отцу. — Ты ведь сам велел мне оставить дома сумку с едой. И как я могу сократить дорогу? Я даже не знаю, куда мы едем. Да не обрушится твой гнев на мою голову, но ты требуешь от меня невозможного, отец.

— Горе мне, — печально сказал старый князь. — Лучше бы мне совсем не иметь сына, чем видеть, что сын мой лишен разума.

И, повернув коня, он поскакал домой.

Следом за ним тронулся и Ахмат.

„Горе мне, — думал он, настегивая коня. — Видно, на старости лет отец совсем из ума

выжил. Сам не знает, чего хочет! Нет у меня ковра-самолета, чтобы длинную дорогу сделать короткой, и не знаю я такого слова, чтобы из-под земли еду-питье доставать. Это только в сказках бывает“.

Наконец, приехали они домой. Расседлал Ахмат коней, попил, поел и пошел себе спать.

А старому князю не спится. „Ну, что, — думает князь, — если случится со мной какая-нибудь беда и умру я раньше положенного срока? Как он один, своим умом, княжить будет? Как народом управлять будет? Надо скорее женить его. Будет у него толковая жена, — может, научит она его уму-разуму“.

И как решил, так и сделал.

На другой же день приказал он оседлать самого лучшего коня и отправился в путь искать своему сыну невесту.

Ехал он, ехал, и когда солнце ушло за горы, и тень от гор покрыла землю, решил он остановиться где-нибудь на ночлег.

А как раз в это время молодой пастух гнал по дороге стадо овец.

— Привет тебе, чабан, — сказал князь, подъезжая к стаду. — Не скажешь ли ты, далеко ли будет до ближнего селения?

— Привет тебе, господин, — ответил пастух. — Селение совсем недалеко, вон за тем холмом. Видишь — там народ толпится?

— Вижу, вижу, — сказал князь. — А не знаешь ли ты, что делают эти люди в такой поздний час?

— В нашем селении умер один человек, — ответил пастух — вот они его и хоронят.

— Что же этот человек совсем умер или не совсем? — опять спросил князь.

Удивился пастух. Сразу даже не нашелся, что сказать. А потом и говорит:

— Ну, конечно, совсем умер.

— Ну, если совсем, — сказал князь, — тогда и жалеть его некому.

Еще больше удивился пастух, но ничего на этот раз не сказал. А про себя подумал: „Видно, старик этот не в своем уме“.

Так добрались они до селения.

— Скажи мне, дорогой, — спросил тут князь, — в чей дом могу я войти гостем, чтобы переночевать и отдохнуть после долгого пути?

— Да будет светлым твой приход, — сказал пастух. — В нашем доме ты найдешь и кров, и отдых, и добрую встречу. Вот наш дом — первый при въезде. — И, загнав стадо во двор, он помог князю спешиться и повел его в дом.

Низким поклоном встретил хозяин, отец пастуха, гостя, усадил его перед очагом, поставил перед ним сытную еду и сладкое питье, повел с ним добрую беседу.

Потом на подушках и коврах приготовили князю постель, и когда улегся он, дочь хозяина, Салымхан, унесла его чувяки и ноговицы, чтобы почистить их и починить.

Лежит князь на мягкой постели и слышит всё, что делается за стеной.

А за стеной брат с сестрой разговаривают.

— Да простятся мне эти слова, — говорит брат, — но боюсь я что наш гость не в своем уме. Увидел, как нашего соседа хоронят, и спрашивает: „Что, совсем умер этот человек или не совсем?“ Я чуть в лицо ему не рассмеялся! Уж не думает ли он, что мы людей заживо хороним?

— Вот сразу и видно, что мал ты и еще не набрался ума-разума, — отвечает ему Салымхан. — Если уж смеяться над кем-нибудь, так это над тобой. А гость наш человек умудренный годами, он дело тебя спросил, только ты не понял его слов.

— А что ж его слова значат? — спрашивает брат.

— То значат, что хотел наш гость узнать, остались ли после покойного наследники или не остались? Потому что пока течет кровь умершего в жилах его детей — он еще не совсем умер.

Услышал князь слова девушки и подумал: „благодарение Аллаху, что он привел меня в этот дом. Вот за кого я посватаю своего сына. Эта девушка будет достойна моего рода“.

И как решил, так и сделал.

На следующий день вернулся он домой и послал своих сватов к Салымхан.

Скоро и свадьбу сыграли. Богатый был пир. Гостям на пиру счета не было, ели-пили до отвала, плясали до упада.

Но вот прошло некоторое время и опять говорит князь Ахмату:

— Сын мой, завтра поутру вели оседлать двух коней. Мы отправимся с тобой в путь.

— Хорошо, отец, — послушно сказал Ахмат, — воля твоя для меня закон.

Опять, как в первый раз, приготовил Ахмат с вечера сумку с едой, на рассвете оседлал двух коней и в назначенный час подвел их к крыльцу.

И опять, как в первый раз, велел князь оставить сумку с едой, вскочил на коня и поехал прежней дорогой. А куда — и на этот раз не сказал.

Доехали отец с сыном до того самого места, где дорога расходится вправо и влево, и снова обратился отец к сыну с теми же словами:

— Сын мой, я проголодался и устал. Прошу тебя, утоли мой голод и укороти нашу дорогу.

Что тут делать Ахмату? Чуть не плачет он

— Как же я утолю твой голод, — говорит он, — если мы не взяли с собой еды? И как я укорочу дорогу, когда я не знаю, куда мы едем?

Не вытерпел князь.

— Ах ты ишак! — закричал он и сгоряча стегнул сына плёткой.

Потом повернул коня и молча поскакал назад. Следом за ним поскакал и Ахмат.

Темнее темной ночи вернулись отец и сын домой.

Наскоро расседлал Ахмат коней и пошел в свою новую хижину. Сел возле очага, не ест, не пьет, с женой не говорит.

— Скажи, друг, что с тобой? — спрашивает его Салымхан. — Какая забота легла тебе на сердце?

— Зачем тебе знать, — отвечает ей Ахмат. — Ты все равно ничем мне не поможешь.

— Как знать, может и помогу, — говорит Салымхан.

— Никто не поможет мне, — печально сказал Ахмат. — Вот уже второй раз берет меня отец в поход. Куда едет — не говорит, брать еду не велит. А среди дня проголодается, с дороги собьется и начинает меня ругать и бить — почему я накормить его не могу, и почему короткий путь найти не умею.

Выслушала его Салымхан и рассмеялась. — Ах ты бедняга, — говорит. — Ну, как это ты не понял, чего хочет от тебя отец! — Понять легко, — говорит Ахмат. — Выполнить трудно.

— Да если бы ты понял, — говорит Салымхан, — так и выполнить было бы нетрудно. Ведь отец не требовал от тебя ничего невозможного. Когда пожаловался он на голод, надо было достать трубку, набить табаком и дать ему закурить. Закурил бы он и забыл о голоде. А когда попросил тебя князь укоротить дорогу, — надо было начать рассказывать ему разные были-небылицы. Заслушался бы он тебя и не заметил, как время идет. Умная беседа сокращает путь.

В это время князь стоял у стены хижины и слушал, о чем говорят муж с женой. Услыхал он слова Салымхан и вздохнул с облегчением. „Не обманулся я в своей невестке, — подумал он. — Теперь, чтобы ни случилось со мной, я могу не бояться за свой дом и свой народ“.

И зажили они все в мире и покое.

Да будут счастье и удача уделом и ваших дней.

Рассказала А. Любарская

СОДЕРЖАНИЕ

Валька с торпедной девяти. Рассказ Арк. Первенцева. Рис. М. Таранова	2	Гремячая башня. Повесть Е. Катерля (Продолжение.) Рис. Н. Петровой	15
Всюду-помощники. Е. Борогина	6	Подумай и ответь	19
На полях совхоза. Фотоочерк М. Мицкевича	7	Десантный флот союзников. А. Литрушин. Рис. Н. Полозова	20
Орлы. Стих. В. Лифшица. Рис. Н. Петровой	8	Мудрая невестка. Сказка. Рассказала А. Любарская. Рис. В. Бурдова	22
Расскажите на пионерском сборе о мечте. Вс. Успенский	9	Ордена Великой Отечественной войны. Рис. В. Болаш. 2 стр. обложки.	
Дюжина	11	Прыжок парашютиста. Рис. Т. Цинберг. 3 стр. обложки.	
О зелёном хозяйстве рассказывает агроном В. Тулинцев	12	Сильные, быстрые, ловкие. Рис. Ю. Мезерницкого 4 стр. обложки.	
Круговорот. Стих. Иры Зелькович	13		
Костёр в лесу	14		
Можно ли точно взвесить линейный корабль?	14		

На обложке рисунок Ю. Мезерницкого „Нахимовцы“.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ
Непринятые рукописи не возвращаются

Редакция: Ф. Октябрьская, Н. Терebinская, Л. Успенский, Н. Штейнварт и Г. Яблонская (отв. редактор)

Подписано к печати 8/IX-1944 г. 3 печ. лист. В печ. лист. 25 000. тип. зн. Зак. № 1786. М 03846. Авт. л. 2,25. Тираж 10 000 экз.
Типография № 9 Управления издательств и полиграфии при Ленгорисполкоме

П Р Ы Ж О К

Парашютиста

Человек прыгнул с самолета и падает. Если бы он падал в пустоте, — в безвоздушном пространстве, — то к концу первой секунды скорость его падения достигла бы десяти метров в секунду, к концу второй — двадцати и так далее. После тридцати секунд падения человек летел бы со скоростью снаряда, выпущенного из мортиры, а еще через четыре секунды он опередил бы звук!

Но человек совершает прыжок не в пустоте, а в воздухе. Сопротивление воздуха изменяет скорость падения парашютиста. В первые мгновения скорость падения парашютиста увеличивается, а потом, под действием возрастающей силы сопротивления воздуха, становится постоянной. На одиннадцатой — двенадцатой секунде после прыжка человек приобретает постоянную скорость падения — около шестидесяти метров в секунду.

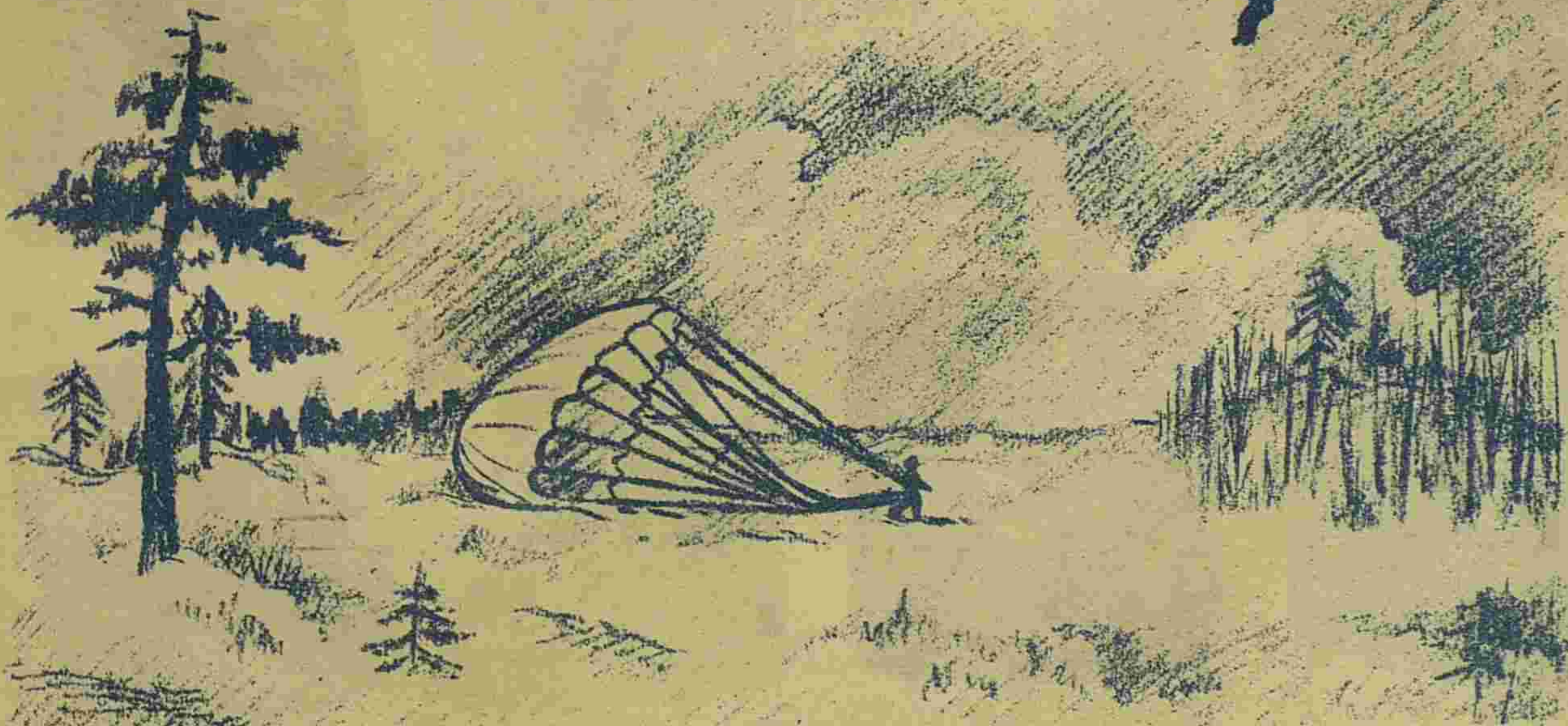
Что же происходит, когда человек дернет вытяжное кольцо, чтобы раскрыть парашют? Скорость падения быстро уменьшается или, как говорят, гасится. В момент раскрытия парашюта человек испытает страшный толчок: его рванет вниз с силою больше четырехсот килограммов.

Быть может, выгоднее раскрыть парашют сразу, — как только совершен прыжок? Но этого нельзя сделать: раскрываясь, купол парашюта может зацепиться за шасси или хвостовое оперение самолета. Даже переждав секунду-другую, когда самолет уйдет далеко, этого делать не следует. В первые мгновения парашютист будет падать со скоростью полета самолета. Если самолет летел со скоростью в триста шестьдесят километров в час, то парашютист сохранит скорость падения в сто метров в секунду. Если при этой скорости он раскроет парашют, он испытает толчок силой около двух тонн.

Значит, раскрывать парашют слишком рано нельзя. Но опасно раскрывать парашют и слишком поздно.

С раскрытым парашютом человек опускается со скоростью всего восемнадцать — двадцать километров в час. Это скорость движения трамвая.

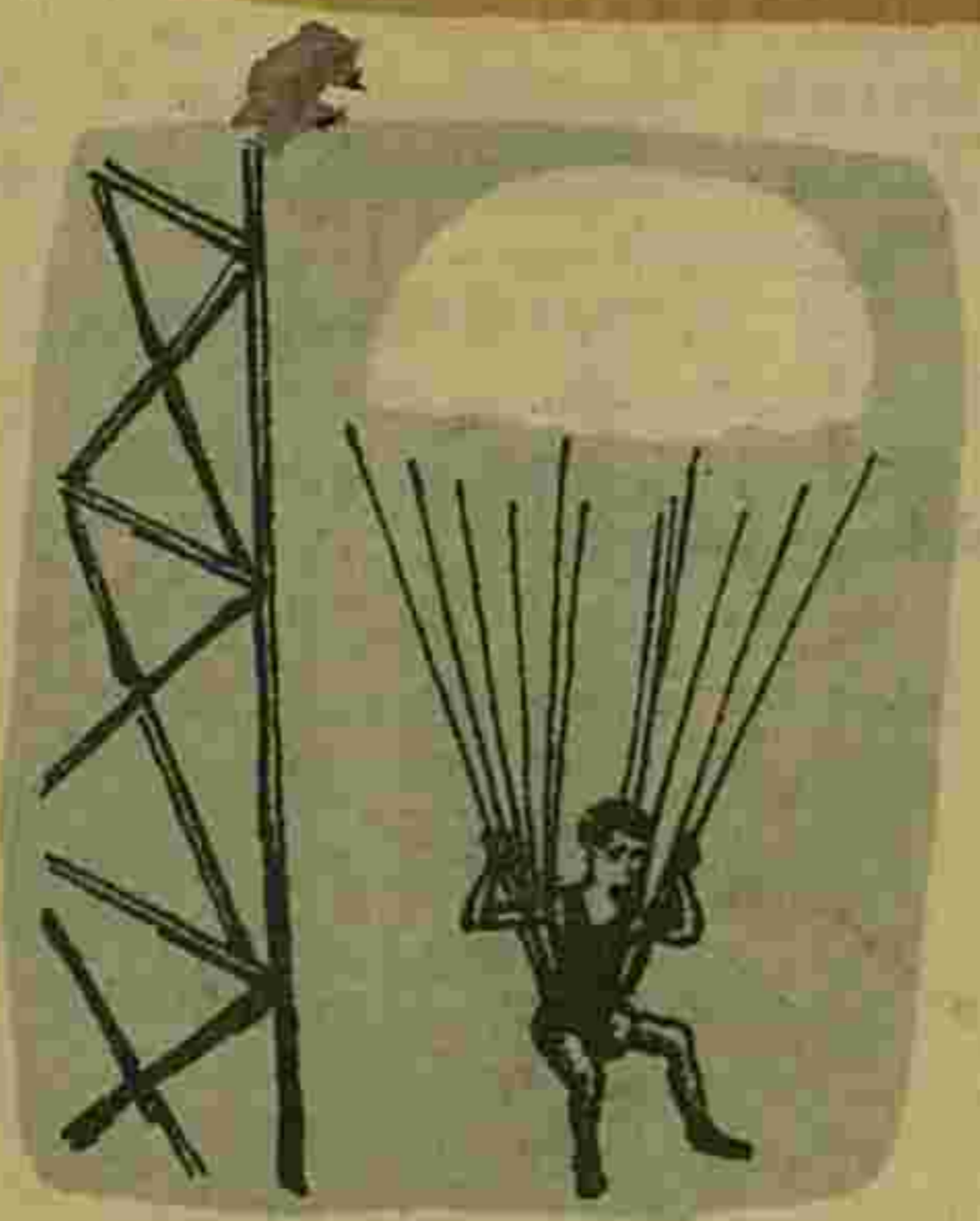
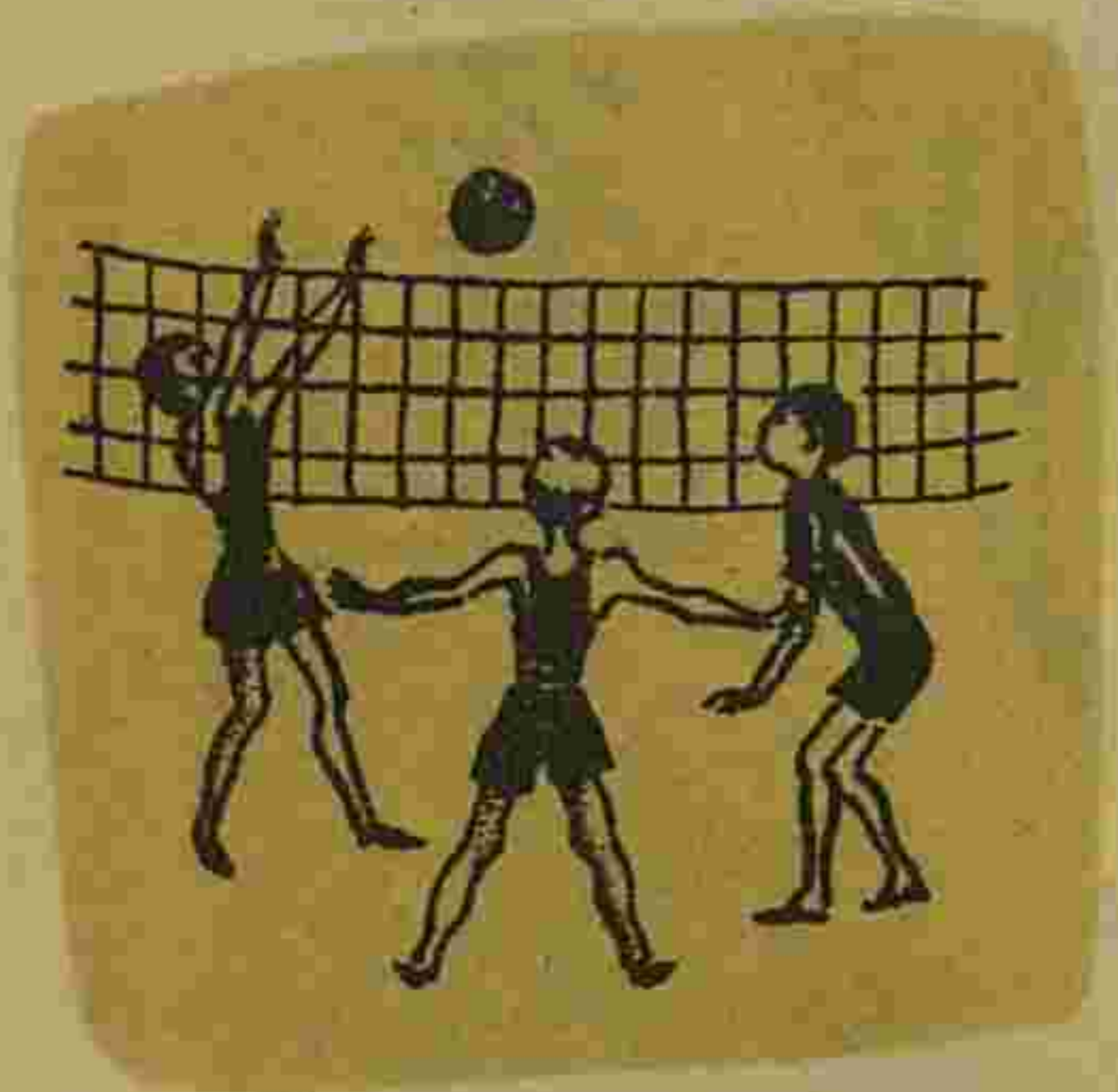
Все знают, какой толчок испытывают люди, если трамвай внезапно останавливается. Вот такой же толчок испытывает парашютист в момент приземления. Он смягчает силу толчка тем, что сгибает ноги.

14000
ЦЕНА 4 РУБ. *Золотые медали*

П 29
41

СИЛЬНЫЕ **БЫСТРЫЕ** **ЛОВКИЕ**

1944 г.
П. АКТ №Н-990/35